

Тиргартен

Автор:

Зотов Зотов

Тиргартен

Георгий Александрович Зотов

25 апреля 1945 года. До падения столицы Третьего рейха остаётся ровно неделя. Офицер «крипо» (уголовной полиции) Вольф Лютвиц пытается поймать серийного убийцу. Неизвестный переодевает девушек в платья сказочных персонажей и убивает их по ночам в парке Тиргартен. Точно такие же преступления происходят и в занятых Красной Армией районах Берлина. Советский следователь Сергей Комаровский выходит на след маньяка. Но ему придётся пробраться на территорию города, находящуюся в руках нацистов...

Пылающие улицы. Руины. Считанные дни до капитуляции Германии. Двое ненавидящих друг друга людей вынуждены объединиться, чтобы найти убийцу и не дать ему исчезнуть в дыму Берлина.

Зотов

Тиргартен

© Зотов Г.А., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Часть первая

Totenkopf[1 - Мёртвая голова (нем.). – Здесь и далее примеч. автора.]

Охота на оленей являлась бы замечательным спортом, будь у оленей так же на вооружении винтовки.

Уильям Гилберт, английский драматург

Пролог

Тьма непроглядная. Зажмурься, открой глаза – вообще не отличишь. Зато я слышу всё. Дыхание. Хруст веток. Стук капель по листьям. Дождь, её спасение, откровенно мешает мне... Эх, сюда бы пару мощных прожекторов, но... нет, пользоваться ими не по правилам. Она не могла уйти – наверняка замерла где-нибудь у корней дуба потолще, обессиленная, перепуганная, в панике вглядывается во мрак. Туфли я уже нашёл – сначала одну, со сломанным каблуком, затем вторую: даже не догадалась их сразу снять. Не поленился, подобрал: первую я увезу домой и сожгу, а другая понадобится тут. На сучьях – клочки одежды... Платье явно изорвано, ноги исцарапаны, сбиты и кровоточат. Но не стонет – боится обнаружить себя. Молодец.

Вдали слышится сильный грохот, земля упруго пульсирует. Ой-ой. Мне пора торопиться – времени осталось не так много. Иди-иди сюда, лапочка. Я заждался.

Свет фонарика выхватывает из бездны скрюченные ветви.

Ночной лес страшен. Мой главный детский кошмар – взрослые забыли меня во тьме, где у деревьев морщинистые лица, а дупла – это пасти с кривыми, обломанными зубами. Сучья обнимают шею, врезаются острыми краями сухие листья, и никто не слышит моего предсмертного крика. А теперь я здесь – словно рыба в воде. Фонарик часто включать не рекомендуется. Увидят они –

жди неприятностей. Нет, я люблю адреналин, обожаю, когда он бурлит в крови, для этого и взялся за дело... Но всё же не до такой степени. Я запрокидываю лицо, наслаждаясь погодой. Ледяные струи льются мне на лоб, стекают по щекам. Свежо и холодно. Я весь обращён в слух. Шорох слева. Слышу его сквозь дождь. Пятно света скользит по кончикам ушей убегающего зайца. Чёрт, ведь совсем близко. Неужели я удалюсь ни с чем? Быстро иду дальше, отводя от глаз ветки, стараясь не поцарапаться. О! Вот! Вымокшая голубая материя. Ещё один лоскут, застрявший в коре. Душа ликует. Да. Да! Она не уйдёт. Инстинкт (а он меня никогда ещё не подводил) ведет прямо. Ничего сложного. Я растворяюсь внутри леса, вижу мир его глазами, вдыхаю кислород всеми листьями... и ощущаю присутствие беглянки.

Интуиция не обманывает охотника.

Пригнувшись, я скольжу вперёд – сильно и быстро, как волк. Опять толчок снизу, и нервная дрожь земли. Пора заканчивать. Отстёгиваю фляжку от пояса. Делаю основательный глоток. Солоноватый вкус, тепло разливается по телу... хорошо-о-о. Скупно щёлкаю кнопкой фонарика. Ага, ветка сломана. Всегда представляй себя на месте тех, кого ищешь. Где бы ты сам спрятался? Хм. Либо в зарослях вроде малинника, либо за стволом толстого дерева – дуба или баобаба. Ну, баобабов здесь нет (о, в своё время я повидал их более чем достаточно). Дуб я уже упоминал. Хочется ещё выпить, но я туго завинчиваю крышку: и так позволил себе лишнее, пряный запах глушит и обоняние, и восприятие леса. Но... захотелось чуточку насладиться. Господь всемогущий, как же холодно – а ещё весна! Я не опасаюсь, что она выбралась из чащи. Это бывшие охотничьи угодья, раньше сюда приезжали на весь день – вволю гоняться на лошадях за косулями. Днём-то легко заблудиться, а уж ночью – и вовсе милое дело. Я заранее присматриваю дичь. Слежу за её логовом, наблюдаю: уходит дня три-четыре, иногда и вовсе неделя. Дело обстоятельное, торопиться ни к чему. Я человек честный, не стану лукавить, будто мне всегда везёт... Что поделаешь, таковы правила игры. Однако этой ночью удача будет моей... Говорю же, я чувствую. Опускаюсь на четвереньки – ладонями в мокрую грязь. В позе хищника, вынюхивающего добычу, мне проще будет распознать жертву...

Дождь внезапно, за секунду, заканчивается.

Последняя капля падает в лужу. Буль. Я улыбаюсь. Боги явно открыли мне рог изобилия. Сквозь тучи ярко блестит луна – это не фонарик, слепящий тебя же. Серебряное сияние длится совсем недолго. Однако вполне достаточно, чтобы я

успел увидеть... Ха, да она же совсем рядом! Метрах в десяти, как я и предполагал, вжалась спиной в толстый ствол. Закрылась большой еловой лапой, вот голубое и незаметно. Наши взгляды пересекаются. Она испускает громкий визг, поворачивается и бросается наутёк. Прекрасно. Пусть паникует, не разбирает дороги, мне это на руку. Я следую за ней – быстро, плавно: сказываются ежедневные пробежки. Не задыхаюсь, в ногах нет боли. Буквально на ходу (неудобно, но уже привык) натягиваю перчатки. Дичь оборачивается (они иначе не могут, чтобы не посмотреть назад... бедные животные), со всего маху врежется лицом в здоровенную сосну и падает. Подняться не успевает – несколько прыжков, и я у цели. Отлично. Смотрю на часы – надо же, всего сорок пять минут поисков... прямо горжусь собой. Женщина истошно кричит – я не возражаю. Какой смысл в охоте, если существо не верещит, а угрюмо смотрит исподлобья? А ведь она может и броситься. Терять ей нечего, такое бывало... Что ж, как-нибудь справлюсь. В самом-то деле, не в первый же раз.

Взвивается в воздух. Прыгает на меня. Всё как я ожидал.

Бью особь в живот. Та предсказуемо складывается пополам. Падает. Кричать уже не может. Закономерно. Наматываю её волосы себе на руку (стараюсь выбирать «длинногривых», стриженные мне не нужны), голова запрокидывается. Мы смотрим друг на друга – глаза в глаза. Промолчит или будет умолять о пощаде? Хотелось бы, конечно. Иначе нет полного удовольствия. Увы – ни слова. Сорвала голос воплями, прерывисто сипит. Я встаю позади неё, достаю из-за пояса заточенный дома охотничий нож и одним движением перерезаю ей горло. Вновь светит луна. Я вижу, как огромные листья папоротника орошает струя крови – бьёт толчками, очень сильно. Дичь хрипит и дёргается, пытаюсь расцарапать мои руки ногтями. Бесполезно – на мне перчатки почти до локтей из жёсткой, отлично выдубленной кожи. Я всё предусмотрел. Меня называют нудным и чересчур техничным, и это чистая правда... Зато я избегаю совершенно ненужных проблем. Как можно меньше следов – даже если её не найдут. А такой шанс тоже есть, сейчас её соседям явно не до вопросов, куда пропала милая девушка, – каждый день люди исчезают сотнями, ад в городе творится кромешный.

За мгновения до смерти дичь чрезвычайно сильна.

Непроизвольные конвульсии, лупит во все стороны кулаками – случается, наносит болезненный удар. Я терпеливо жду. Жертва вскоре затихает, руки повисают плетями. Чудесно, готова. Предстоит весьма хлопотное занятие, но

иначе трофей не добудешь. Приступаю. Ладонь быстро затекает, не так-то просто пилить ножом, даже с мелкими зубчиками по краю лезвия. Хруст позвонков. Ещё немного. Уф, наконец-то. Я кладу голову рядом с туловищем, достаю из ягдташа холщовую сумку, бережно упаковываю сувенир. Дома ожидают дела. Искупать, залить спиртом, спрятать в безопасное, далёкое от любопытных глаз место, пока я организовываю транспортировку. Мне нужна неделя, не больше. Подобралась великолепная коллекция – жаль, что хвастаться можно только истинным знатокам охоты. Раскрыв напоследок ягдташ, я любуюсь остекленевшим взглядом мёртвой особи. Какой замечательный экземпляр самки. Мой типаж – примерно двадцать лет, светлые волосы, худенькая... Я всегда выбираю стройных, толстухи ведь далеко не убегут, и тогда теряется весь смысл охоты, ощущение азарта и преследования. Завязываю горловину мешка, забрасываю сумку за плечи, бодро двигаюсь через лес. Мне больше ничего не нужно. В крови – просто бешеное количество адреналина, хочется кусать губы и орать от восторга. Снова начинается дождь, и я счастлив. Крови на меня попало мало, а ливень и остатки смывает – вид будет нормальный. Мои документы полностью в порядке: полицейские, если я их встречу, ничего не заподозрят. Вновь дрожит земля – первые дни очень сбивало с настроения, но со временем я привык. О боже, кто бы знал, насколько тяжело отследить дичь, поймать, привезти сюда, выпустить на природу... и какой чудовищный риск быть арестованным. Ежеминутно. Ведь случись чего, со мной и церемониться не станут. Но иначе – какой же я охотник? Голова самки в мешке приятно оттягивает руку. На моих губах играет нежная улыбка.

Я выхожу на поляну, где меня ждёт автомобиль.

Достаю из багажника изящную табуреточку. Ставлю на неё левую туфлю. Приподняв за ножки, отодвигаю от себя. Смотрится шикарно. Вот ей-богу.

Окончание охоты всегда восхищает. Лучше лишь предвкушение следующей дичи.

А я уже знаю, кто ею станет. Да. Определены и имя, и адрес. Отличная кандидатура. Требования всегда одни и те же – мускулистая, грациозная, словно газель. Обязательно задаст мне жару, петляя между деревьями. Только вот жаль – ничего у неё не получится.

Глава 1

Дисней

(Берлин, район Тиргартен, 25 апреля 1945 года)

Шуцман был молоденький, судя по виду, мобилизованный совсем недавно. Тощий, бледный, настоящий доходяга, с трудом удерживающий на плече тяжёлую винтовку: изо рта шёл пар, от промозглого холода его пробирала дрожь. Завидев приближающегося человека в чёрной форме (тот шёл вразвалочку, не торопясь), парень взволновался. Мужчина в возрасте за сорок, среднего роста, полностью седой, с чёрной повязкой на левом глазу (как у пирата), из-под ткани на щёку «спускается» белый шрам. Сразу понятно – прибыло важное начальство: из министерства или самой рейхсканцелярии.

– Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер, любезный. Не надо так трястись, я не укушу. Внимательно рассмотри моё удостоверение. На него гляди, а не на меня, пожалуйста. Вот тут, видишь печать? «Крипо», бюро «вэбэ», комиссар Вольф Лютвиц, специальные расследования. Хорошо запомнил, правда? Ах, какой молодец. Давай показывай, что у нас случилось плохого.

Шуцман вернул аусвайс дрожащей рукой. Ему было не до шуток.

– Я ничего не трогал, господин гауптштурмфюрер[2 - В криминальной полиции нацистской Германии, расследующей тяжкие уголовные преступления, для следователей были приняты звания СС.]. Нас строго предупреждали... если труп, то прохожих не допускать, не прикасаться, позвонить с ближайшего телефона в криминальную полицию, следовать её указаниям. Я действовал по инструкции.

«Иисус добрейший, какая же у нас чудесная страна, – мысленно усмехнулся Вольф. – Самое позднее через пару недель над столицей рейха будет развеваться русский флаг, а парень искренне боится, что ему влетит по службе».

Он выдавил улыбку, благосклонно потрепав запуганного шуцмана по щеке.

– Я без претензий, мой мальчик. Веди меня, я весь в твоём распоряжении.

Щёлкнув каблуками, полицейский направился в глубину леса. Вольф шёл за ним, вдыхая прохладный утренний воздух и слушая канонаду, доносящуюся с севера. Сегодня русские вошли в пределы Берлина – и, как обещает доктор Геббельс, скоро неминуемо найдут здесь свою могилу. Ибо каждый германский дом встанет на пути славянских варваров несокрушимой крепостью, и каждый немец, от младенца до старика, возьмёт в руки оружие, подобно древним викингам. Вольфа, впрочем, это уже нисколько не волновало. 3 февраля 1945 года, во время самого страшного авианалёта американских бомбардировщиков Б-24 на город, заживо сгорела его жена Гертруда вместе с их десятилетними детьми – девочками-близнецами Анной и Катрин. Он даже не смог опознать мёртвые тела близких: могильщики показали ему яму с сотней обуглившихся трупов – в ту ночь в Берлине погибло 25 000 человек. Через два месяца бесконечного пьянства вместо сна Лютвиц спокойно пришёл к выводу, что лучше всего застрелиться. Так бы он и сделал... если бы не Дисней.

– Вот девушка, господин гауптштурмфюрер.

Обезглавленное тело полулежало, привалившись к сосне. Вольф присел на корточки, внимательно осматривая труп. Изодранное в клочья грязное голубое платье. Молочно-белые босые ноги ниже колен исцарапаны и сбиты до синяков, на ступни вообще лучше не смотреть... но придётся. Ногти на руках ухожены, хороший маникюр, женщины остаются женщинами даже во время войны. Если судить по коже обезглавленного тела, покойной лет двадцать. Ни капли крови. Дождь за ночь всё смыл, а заодно и следы... собака не пригодится. Вольф встал и, не сдерживаясь, выругался – несколько раз подряд. Худосочный шуцман вздрогнул, воззрившись на него.

– Ну, кто на этот раз, шеф? – весело спросили сзади. – Я надеюсь, слонёнок Дамбо?

Заместитель Вольфа по отделу, унтерштурмфюрер Вилли Хофштерн, подошёл неслышно – привычка, оставшаяся с разведроты на Восточном фронте. Вольф уловил сильный запах алкоголя, но не высказал недовольства по этому вопиющему поводу – сейчас не только в «крипо», а и на позициях офицеры из аристократов не могут без дешёвого шнапса. Гроыхнуло совсем рядом, однако Вилли не сделал попытки пригнуться. Лютвиц повернулся к нему – без улыбки.

Бледные щёки Хофштерна пылали красными пятнами ввиду употребления минуту назад полутора сотен граммов шнапса, светлые пряди волос прилипли ко лбу. «Парень запасливый, наверняка и для меня что-то осталось», – хмыкнул Вольф.

– Дай-ка глотнуть, – без обиняков попросил комиссар.

Не стесняясь шуцмана, гауптштурмфюрер основательно приложился к фляжке Вилли.

– Нет, – мотнул он головой. – Если не ошибаюсь, сегодня у нас на блюде Золушка.

– Потрясающе, – поднял брови Хофштерн. – Жаль, что парень никак не обратит внимания на Бэмби. Вообрази себе славную картину – девушка, одетая оленёнком, с пристёгнутыми рогами, несётся через парк, а вслед за ней скачут удалые охотники.

Вольф криво усмехнулся и влил в рот ещё шнапса.

– Сцена довольно типичная для прошлых охотничьих выездов Диснея, – вытерев губы, сообщил гауптштурмфюрер. – Заранее отслеживает девицу. Как правило, из небогатой семьи, телефонистку или машинистку в маленькой конторе, лет двадцати от роду. Не сильно поблизости – тут мало кто живёт, в Тиргартене половина домов разрушена. Ждёт, пока жертва ляжет спать, и тишайше взламывает замок. Угрожает – скорее всего, оружием. Заставляет переодеться в одежду героини диснеевского мультфильма: барахло приносит с собой, либо ищет у девушки нечто похожее в гардеробе. Затыкает рот кляпом или усыпляет малой дозой хлороформа. Привозит в парк Тиргартена и выпускает, а затем... охотится на неё, как на животное. Он очень хороший специалист, Вилли, профессиональный. Грамотно загоняет дичь. Ему неинтересно сразу взять и убить – радуется сам процесс. Девушка бежит через весь лес, прячется, он её обязательно находит и отрезает голову. Пятый случай за последние три недели. Тех четверых опознали родственники – родинки на теле, шрамы от аппендицита не тронуты.

– Фриц так и наши головы скоро снимет, – тихо, чтобы не слышал шуцман, сказал Вилли.

Фрицем они звали главу криминальной полиции рейха («крипо») – оберфюрера СС Фридриха Панцингера, назначенного на пост после «предательства» прежнего начальника Артура Нёбе, недалековидно принявшего участие в июльском заговоре против великого фюрера. Самого Нёбе казнили совсем недавно, третьего марта, – генерала, скрывавшегося на маленьком острове, выдала любовница по простой дамской причине: он в своё время отказался на ней жениться. Панцингер, разумеется, был вне себя от появления в Берлине серийного убийцы. Случись это ещё в сорок четвёртом – и Вилли, и Вольф пополнили бы ряды в штрафной дивизии Дирлевангера[3 - Зондеркоманда СС под управлением оберфюрера Оскара Дирлевангера (бывшего уголовника, осуждённого за педофилию) всегда формировалась из заключённых концлагерей, тюрем и преступников, фактически штрафбат.]. Фюрера в известность о зверских расправах над девушками в Тиргартене, безусловно, не поставили. А гауляйтер Берлина доктор Геббельс лишь скривил лицо: «Когда русские у ворот столицы империи и тысячи мальчиков из фольксштурма гибнут каждый день, вы предлагаете мне заниматься тремя отрезанными головами? Ловите этого маньяка сами». Да, тогда их было ещё три. Сейчас они стоят у вымокшего тела пятой жертвы.

– Сынок, ты нам больше не нужен, – обратился Вольф к шуцману. – Возвращайся на свой пост, мы с господином унтерштурмфюрером обсудим секретные тонкости расследования.

Шуцман вскинул правую ладонь и побрёл прочь. Не раньше, чем он скрылся из виду, Вольф вернулся к беседе. В Германии лучше общаться без лишних ушей. Приказано безоговорочно верить в победу, а тех, кто сомневается, – в петлю или к стенке.

– Да, я обещал Панцингеру поймать Диснея, – взял он под локоть благоухающего шнапсом заместителя. – И понятия не имею, что нам делать. С пятого апреля он отрезает в Тиргартене головы девушкам, но целых три недели подряд у меня связаны руки. Просил хотя бы роту СС, поставить вокруг парка оцепление – отказали. Всё для фронта, русские взяли Зееловские высоты. А цыплята из вчерашних школьников мне не нужны.

Унтерштурмфюрер настороженно оглянулся по сторонам.

– Зачем мы вообще этим занимаемся? – еле шевеля губами, шепнул он. – Ты же понимаешь – остались считанные дни. Берлин окружён. У моего дяди есть

ресторанчик в Испании. Давай переоденемся в гражданское, попробуем уйти, пока можно... Бросим всё к дьяволу... Документы достать, сам понимаешь, особой проблемой не является. Знакомый уголовник сделает – качество блеск, как настоящие. Решайся, Вольф.

Лютвиц посмотрел на коллегу пустым, потухшим глазом.

– Мне некуда и незачем идти. Гертруда с девочками превратились в дым. Считанные дни? Отлично. Значит, у меня есть ещё немного времени, чтобы поймать эту сволочь. Он же откровенно издевается над нами. Знает, что в розыске. И всё равно убивает по девчонке раз в несколько дней, график у него. Пускай это станет моим главным развлечением перед смертью – он выслеживает девушек, а я поохочусь на него самого. И знаешь, я в более выигрышном положении. Мне, в отличие от Диснея, нечего терять. Такая бесподобная игра случается один-единственный раз в жизни.

– Ты сошёл с ума, Вольф.

– Конечно. Знаешь, как прекрасно чувствовать себя сумасшедшим?

Мёртвое тело они осматривали молча – под непрерывную канонаду орудий, теперь уже с юго-востока. Прибывшая вскоре бригада «крипо» почтительно ждала неподалёку, пока они разглядывали ногти покойницы, пытаясь выудить хоть частичку кожи убийцы. Наконец Вольф поднялся с колен, мокрый и грязный. Процедил пару ругательств, сорвал и с силой бросил в раскисшую траву обе перчатки.

Ничего. Опять ничего.

Они нарочито неторопливо шли к машине через лес, по очереди допивая фляжку. Шофёр вскинул руку, Вольф в ответ сделал еле заметное движение правой конечностью, словно собирался почесаться. По дороге к зданию Имперского управления безопасности на Принц-Альбрехт-штрассе все трое молчали. Лютвица подташнивало от выпитого на голодный желудок. Он сделал знак водителю, и тот притормозил «хорьх».

– Спасибо, Генрих. Мы с господином унтерштурмфюрером пройдемся.

У полуразрушенного дома на углу немолодой фельдфебель отдавал команды подразделению фольксштурма – десятку подростков с фаустпатронами[4 - Лёгкий противотанковый одноразовый гранатомёт.] на плечах и пятерым пожилым ополченцам: старшему было изрядно за шестьдесят. Он никак не мог удержать в дрожащих руках винтовку, хватался за сердце, фельдфебель, раздувая усы, угрожал пенсионеру всеми муками ада. На дереве близ книжного магазина качались на апрельском ветру неумело вздёргнутые (один выше, другой ниже) трупы двух мужчин – в чёрном пальто и в кургузой куртке с заплатой на спине. На груди повешенных булавками были пришпилены листы бумаги: «Я призывал сдаться». В стороне солдаты СС проверяли документы у женщины с большой сумкой, набитой тряпьем, – по её щекам катились слёзы, она кричала, размахивая руками, показывая на себя и на руины дома. Один из эсэсовцев лениво снял с плеча автомат. Вольф и Вилли не обернулись, услышав короткую очередь. Уличные мародёры не по части их ведомства.

– Дорогой Вилли, – шепнул комиссар Лютвиц, фамиллярно обняв заместителя за шею. – Вот интересно. Район Тиргартен разрушен бомбардировками. Девушки живут не в двух шагах отсюда. Их надо захватить. Связать. Привезти в парк. И всё это – в прифронтовом городе, где на каждом шагу патрули СС, одержимые мыслями о шпионах, паникёрах и предателях. И как ты думаешь, почему Дисней проникает через все заслоны в комендантский час... а мы не получаем донесений от патрульных с описанием подозрительной личности?

– Не знаю, – честно ответил Хофштерн. – Ты мне расскажи.

– У него есть пропуск, –дохнул ему в лицо перегаром Лютвиц. – И очень хороший. Наш мальчик с отрезанными головами стопроцентно не из рабочих кварталов Веддинга. Его аусвайс даёт проезд в любое место Берлина без малейших проблем.

– Что ты имеешь в виду? – насторожился Вилли.

– Почти все маньяки-убийцы из неблагополучных семей, это существа без высшего и даже без среднего образования, с одной извилиной в мозгу. Тут совершенно иной случай. У парня либо отличные связи, либо хорошая должность.

Снаряд врезался в стену слева – обоих упруго ударило взрывной волной. Дальше шли до Принц-Альбрехт-штрассе молча, каждый думал о своём. Вольф по привычке придерживал левую руку – в сорок втором врачи достали из неё десять осколков русской гранаты, брошенной партизанами. «Лимонки» Ф-1, навсегда лишившей его левого глаза.

Глава 2

Русалка

(Район Тельтов-канал, юг Берлина, 25 апреля 1945 года)

Курочкин исступлённо вглядывался в посеревшую кожу утопленницы, в двадцатый раз пытаюсь разубедить себя – это не она. Такого не может быть. Просто не может, вот и всё. Они просто похожи. Как две капли воды, не отличишь. Нет-нет-нет. Пожалуйста.

– Вась, а Вась, – мрачно повторил старший лейтенант Комаровский, тронув его за плечо. – Прости, тут ничего не сделаешь. Это Настя. Посмотри на руку. Вот сюда. Хватит.

На скрюченном пальце девушки, всего час назад извлечённой из ледяной тьмы Тельтов-канала, блестело простенькое серебряное колечко – сержант Василий Курочкин подарил «цацку» двадцатилетней санитарке Насте неделю назад, разыграв целое представление, и разведрота втайне от начальства дружно обмывала будущую свадьбу чистым медицинским спиртом. Василий стоял над телом на коленях, спина сотрясалась от глухих рыданий. Комаровский, сбиваясь, твердил невпопад нечто ласковое, но лицо старшего лейтенанта оставалось непроницаемым. Вскинув трофейный шмайссер, он вглядывался в развалины домов у воды, где не прекращалась стрельба. Канал вчера форсировали с трудом, фрицы защищались отчаянно. В ППШ кончились патроны, и Комаровский забил прикладом офицера в чёрной форме. Тот не хотел умирать – уже вместо лица кровавая маска, зубы в крошево, а всё хрипел, пытался до горла добраться... вот приклад к чёрту и разломал. Бывает.

– Серёга, – хрипел Курочкин. – Я же с ней два года... ты понимаешь... два. Мы уже в Берлине... войне несколько дней осталось... за что... вообще не понимаю, блядь...

Комаровский умолк. Утешать он умел плохо.

Настя исчезла сутки назад. Её тело нашли в переполненном трупами канале – без головы. Опознали по вот этому самому Васькиному колечку, но оно бы и не понадобилось – все документы в карманах, включая красноармейскую книжку, пусть и размокли, остались нетронутыми. “Вервольф”, – заявил командир полка, едва ему доложили о происшествии. – Лютуют, запугивают, сволочи фашистские». Однако, шагая по городам Германии уже почти полгода, в великую силу вервольфовцев Комаровский не верил. Случалось всякое – война есть война, а не домашний пирог. Даже небольшие деревни защищались ожесточённо, дрались за каждый дом, из подвалов приходилось выбивать гранатами. Полуразрушенный Бреслау остался глубоко в тылу, до сих пор не взятый частями РККА: сумасшедшие мальчишки из гитлерюгенда, власовцы, которым абсолютно нечего терять, СС, фольксштурм. Пленных там не брали, да и зачем? Они ж как собаки бешеные. Настя из жалости хотела перебинтовать истекающего кровью белобрысого шутце, так урод ей руку до кости прокусил. Но вот голов точно никто не отрезал – какой идиот станет изображать мясника в горячке боя? В уголовном розыске Брянска, откуда следователь Комаровский (бывший школьный учитель истории) ушёл добровольцем на фронт в июле сорок первого, таких крайностей, впрочем, тоже не водилось. Убийства в Брянске происходили разные – и блатной «гоп-стоп», и «бытовуха» с ударом бутылкой по башке, и милая русскому сердцу поножовщина. Но унести голову с собой как сувенир? До этого самый жуткий блатарь не додумается. Оставив попытки успокоить Курочкина, старлей задышался от бешенства – кем мог быть человек, убивший девушку? На войне рыцарству и лирике не место, однако куда логичнее попытаться зарезать офицера или хотя бы солдата, чтобы нанести противнику урон посильнее... Но зверски расправиться с безобидной санитаркой? Странно, очень странно. Неподалёку тяжело бухнул фаустпатрон, слышались автоматные очереди, крики «хох» и «форвертс!». Похоже, немцы снова пытались контратаковать.

– Неужели я даже лица её больше никогда не увижу? – давясь, рыдал Курочкин.

– Вася, – склонился к нему Комаровский. – Пойдём отсюда, и так уже отстали... Там подмога нужна... Мы вернёмся за Настюшей, обещаю... похороним по-

людски. Фрицы прорываются... Вась, ну всё-всё...

Он ронял шаблонные слова и понимал, насколько фальшиво они звучат. Сергей не умел притворяться – чужая смерть давно оставляла его равнодушным, четыре года войны просто так для нервов не проходят. Сорокалетний блондин с голубыми глазами, словно сошедший с рекламного плаката «арийской расы» Министерства народного просвещения и пропаганды, Комаровский с раннего детства умел подражать любым звукам: пророчили, что он пойдёт работать в цирк, но вышло иначе... Ещё в школе Сергей увлёкся немецким языком, над чем откровенно ржали приятели. Он не обращал внимания. Торчал в библиотеках часами, листал страницы, пока другие тискали одноклассниц в укромных уголках Брянска. Зубрил, чем диалект «заксен» отличается от присюсюкивающего «байериш». И в итоге добился... его немецкий стал идеальным.

Это сразу оценили на фронте.

В разведроту он ходил за «языками», переодевшись в форму вермахта, – в блиндаже всегда имелся в запасе целый гардероб. Устраивал диверсии в городах. Один раз, появившись в мундире СС в центре Барановичей, кинул гранату в машину с шефом гестапо города – и ушёл. Правда, с руководством у него не ладилось, был резок на язык – вот и ходил в старших лейтенантах, пока ровесники вовсю обмывали полковничьи погоны.

Курочкин наконец выпустил из рук обезглавленный труп Насти, похожей на русалку из-за сморщившейся в воде, как чешуя, кожи. Сержант поднялся, глядя перед собой оловянными глазами, бездумно щёлкнул затвором ППШ. Пригнувшись, оба двинулись вверх по развороченной узкой улице. Она была пугающе пуста – нет даже мертвецов, лишь щебень и битые стёкла на мостовой. Из окна на третьем этаже мокрой тряпкой свисал белый флаг, но Комаровский не очаровывался – он прекрасно знал, что это может быть ловушкой. Про себя старлей ругал Курочкина последними словами. «Развесил сопли, мудак. Девке ничем не поможешь, а своих из виду потеряли. Где мы сейчас? Всё перемешалось. Вчера взяли с боем дом на соседней штрассе, через час туда заново ворвались немцы, а потом опять наши. Люди измотаны. Если фрицы в контратаку батальоном побегут, нам пиздец». Курочкин шёл позади, шатаясь как пьяный. Автомат Василий тащил в руке, словно дубину, держа за ствол. Они прошли кафе с развороченными взрывом стульями и разбитой витриной: в самом верху чудом уцелели готические буквы и нарисованный белой краской орёл со

свастикой. Под сапогами жалобно хрустели стёкла. На башне кирхи, испещрённой следами от пуль, повис оплавленный согнутый крест. Метрах в двухстах, что-то рвануло. Серые стены домов дрогнули. «Беда будет», – подумал Комаровский, но не успел даже оглянуться на Курочкина.

Автоматная очередь прозвучала сзади – из того самого кафе.

Курочкин мягко осел на колени и выстрелил из ППШ от живота. В помещении послышался вскрик, наружу вывалился и замер на мостовой подросток в чёрной форме. Комаровский увидел два тёмных пятна, стремительно расползающихся между лопаток по гимнастёрке сержанта. Он рванулся к нему, сдёрнув с плеча шмайссер. Из кафе продолжали стрелять – неумело, с истеричными выкриками «хайль Гитлер!» и «фефлюхте руссен!». С каким-то подвизгиванием пули плющились о камни, рикошетили от стен. «Фольксштурм». Сергей поравнялся с Курочкиным, когда тот начал плавно заваливаться на бок. «Блядь, гранату бы сейчас», – пронеслось в голове, но после вчерашнего боя «лимонок» ещё не выдали. Он выхватил в прицел чьё-то лицо в кафе, нажал спуск, и оно исчезло в фонтане крови. Стрельба смолкла. Прошло несколько тягучих секунд, вновь прозвучала короткая очередь – кто-то взял у убитого автомат. Курочкин обмяк, послышался резкий хряск – в туловище ударила ещё одна пуля. Старший лейтенант залёг за телом сержанта. Сквозь осколки витрины мелькнуло нечто серое. Шмайссер сухо щёлкнул. «Ёб вашу мать... патроны». ППШ погибшего Василия валялся не так уж чтоб далеко, но к нему было не подползти. Выстрелы из кафе резко смолкли. Он услышал тонкий крик, почти рыдание. Похоже, и у немцев кончились боеприпасы. Тишина. В подобных случаях, как пишут классики мировой литературы, мгновения кажутся часами – и, что самое интересное, это действительно так. Судьба – бешеная сука. Двадцать минут назад Курочкин держал на руках мёртвую Настю, а теперь умер он сам, и лужа его дымящейся на холоде крови растекается по камням. Позавчера пили за свадьбу Васьки с Настей «наркомовские» сто грамм, а сегодня обоих больше нет. Как и многих других, с кем прошёл войну Комаровский. И скольких ещё не будет – пока какая-то фашистская блядь на улице берёт и стреляет тебе в спину.

Он приподнялся на колено. Нашупал за поясом финский нож.

Из кафе выбежал рыжий паренёк – в серой форме, с повязкой на рукаве: тут уж не разберёшь, фольксштурм или гитлерюгенд... Неумело занесся для удара винтовку прикладом вперёд, визжа на одной тягучей, непрекращающейся ноте:

– А-а-а-а!

Сергей за полсекунды оценил – до ППШ не добраться. Впрочем, мальчишка его не особо-то и беспокоил. Он привстал на одно колено. Дождался, пока фольксштурмовец поравняется с ним, легко отклонился от удара и воткнул нападающему финку в сердце. Хорошая финочка, с наборной рукоятью из плексигласа, в сорок третьем у штрафника на две бутылки водки выменял и с тех пор с ней не расставался. Немчик даже ничего не понял – хрюкнул как-то, ахнул, весь воздух из лёгких выплюнул. Винтовка грохнулась на мостовую, но Комаровский уже был учёный – когда парень падать на него стал, вскочил и оттолкнул умирающего. И правильно сделал: ему в челюсть врезался кулак. Лейтенант покачнулся, однако на ногах устоял. Новый удар пришёлся по руке, били стволом шмайссера, со всей силы – запястье пронзила острая боль. Однако финку он не выпустил, и резво (можно сказать, исключительно резво) подался назад.

Вовремя – в сантиметре от груди блеснуло плоское лезвие штыка.

Противник лыбился. Плечистый, заросший короткой бородой мужик с треугольником роттенфюрера СС на потасканной, обсыпанной пылью серо-зелёной форме. «Ах, тля, – подумал старший лейтенант. – Ты ведь этого сосунка на меня для отвлечения выпустил. Чтобы я его зарезал, как поросёнка, а сам от тебя нож получил. Вот же тварь поганая».

– Du wirst sterben...[5 - Ты умрёшь... (нем.)] – замахнулся штыком роттенфюрер.

– Nein, ich werde dich toten...[6 - Да нет, это вообще-то ты умрёшь... (нем.)] – спокойно ответил Комаровский.

Эсэсовец не удивился – словно всю войну русские вокруг него сплошь и рядом только и делали, что говорили на прекрасном «хохдойч». Отбросил бесполезный шмайссер, перекинул штык в другую ладонь. Комаровский сделал выпад финкой, но немец дёрнулся влево и молниеносно выбросил руку вперёд. Старший лейтенант присел, лезвие разрезало воздух над головой. Зажав в потных ладонях рукоятки ножей, они медленно кружили по пустой улице. Камни мостовой пружинисто сотрясались от танкового огня. Этот извращённый балет продолжался уже минуты две – никто не хотел пропустить удар от соперника, каждый пытался выгадать момент, дабы сокрушить врага. Старлей был одержим

мыслью посчитаться за Курочкина, роттенфюрер явно разозлился по причине гибели троих фольксштурмовцев. Прекрасная, хорошо спланированная засада сорвалась, потому что один из этих дураков выстрелил в русского раньше времени: не выдержали мальчишеские нервы.

Не отводя взгляда от лица Комаровского, немец показал на Курочкина.

– Bald wirst du ihn treffen[7 - Скоро встретишься с ним (нем.).].

– Kaum[8 - Вряд ли (нем.).].

Роттенфюрер прыгнул вперёд, обрушился на Комаровского всем своим весом. Оба повалились на мостовую, хрипя и изрыгая проклятия. Припечатав старшего лейтенанта к камням, немец тянулся штыком к его горлу. Комаровский сжал обеими ладонями руку эсэсовца, стараясь увести лезвие в сторону. Немец наваливался, что-то шепча, широко распахнутые серые глаза были безумны, лицо скривилось в оскале, с нижней губы повисла ниточка слюны. Сергей отбросил руку роттенфюрера и дёрнулся вправо, штык ткнулся в камень мостовой, заскрежетав... Враг потерял равновесие, и этого оказалось достаточно. Финка по рукоять вонзилась в живот немцу, над пряжкой, где хищно распростёр крылья орёл. Услышав хруст, Комаровский дёрнул нож вверх, провернул по часовой стрелке и вытащил наружу – вместе с внутренностями.

Роттенфюрер нечеловечески закричал.

Старлей лениво пнул штык – тот забренчал по камням мостовой. Встал, отдышался, сделал несколько шагов. Поднял ППШ, проверил диск. Блядь. Четыре патрона. Он нагнулся к Курочкину. Закрыв сержанту глаза. Подошёл к стонавшему немцу, присел на корточки. Роттенфюрер полулежал в багровой луже, вяло загребая ногами, зажимал резаную рану: сквозь пальцы перламутром блестели выпавшие кишки. Комаровский аккуратно, почти без злобы плюнул немцу в лицо. Затем снова ударил ножом – на этот раз в печень. Эсэсовец зашёлся воплем, перешедшим в бульканье.

– Nur für den Fall[9 - Просто на всякий случай (нем.).], – скучно сообщил ему Комаровский.

Взяв ППШ на изготовку, Сергей без спешки двинулся в направлении ушедшего вперёд фронта. Он внимательно всматривался в разбитые окна домов: беспечность стоила жизни лежавшему сейчас возле кафе Курочкину. Старший лейтенант уже почти добрался до конца улицы, когда услышал глухое рычание и скрежет. Звуки доносились с первого этажа особняка, украшенного цветочными горшочками. Повинуясь фронтовой привычке, он прыжком преодолел пространство до порога и вышиб хлипкую дверь. «Гранату бы», – вновь помечтал Комаровский. Водя стволом автомата, прошёл комнату. Держа палец на спусковом крючке, распахнул шкаф для одежды – никого. Присев, осторожно выглянул из-за угла на кухню. Он сразу увидел тело – непристойно раскинутые ноги в изношенных дамских ботинках, задравшаяся тёмно-коричневая юбка. Вокруг труп в изобилии валялись осколки тарелок, скатерть со стола наполовину стащили вниз. Громадная чёрная овчарка подняла покрасневшую морду от лодыжки женщины, на пол закапала кровь. Лязг клыков и выстрел раздалась одновременно.

«Три патрона в ППШ, – отметил Комаровский. – М-да, становится всё веселее».

Он подошёл к покойнице – и неожиданно для себя попятился. Поскользнулся в крови, чтобы не упасть, ухватился за край кухонного стола.

У мёртвой женщины на полу не было головы.

Бездна № 1

ОБЩЕСТВО ЗВЕРЯ

(Сьерра-Леоне, Западная Африка, 1912 год)

...Генри чувствовал себя не в своей тарелке. Глубокая ночь в джунглях – далеко не самое прекрасное время для прогулки. Даже если твоё детство прошло в деревне у леса, это вовсе не значит, что жуткий хохот с визгом среди лиан и высохших от старости чёрных деревьев вернут тебя в лучшие годы.

Светильником пользоваться не разрешалось – проводник вёл цепочку людей по вязкой от дождя тропинке, каждый держался за плечо другого: словно караван слепых. «В джунглях главный страх – увидеть горящие глаза, – рассказывал ему

отец, лучший охотник племени. – В редком случае повезёт, это окажется не хищник. Знаешь, когда я поседел? В двадцать пять лет. Однажды я ранил из лука дикую свинью и преследовал её полдня – мне, твоей матери, тебе и твоим восьмерым братьям и сёстрам была нужна еда. Когда я настиг свинью, истёкшую кровью, я возблагодарил богов и лёг рядом отдохнуть. Проснувшись, увидел прямо над собой страшные, пылающие огнём зрачки. Размером с блюдце – странный кругляш, с которого белые пьют чай. О боги, как я тогда кричал! А оказалось – это безобидное существо, обычная горная обезьянка». Проводник – древний, сгорбленный, ему на вид лет сорок, а то и больше... в Африке люди умирают рано. В последнее время, пожалуй, слишком рано. И отец, и мать, и все восемь братьев и сестёр Генри погибли во время нападения оборотней. Твари загрызли десятки человек, не пощадили даже маленьких детей... как обычно, возле хижин нашли отпечатки лап огромных пятнистых кошек из джунглей. Легенды о людях-леопардах Генри слышит всюду – уши прожужжали. Хочешь стать оборотнем? Тогда ты должен изготовить амулет с колдовским зельем – борфиму. А сделать его можно лишь при участии девочки или девушки из твоего рода: сестры, племянницы, дочери, внуки. Нужно вырезать у родственницы внутренности, пока она жива...

Затем отхватить большой лоскут кожи со лба.

Завернуть туда печень и кусок почки. Высушить. И регулярно смазывать человеческой же кровью, иначе борфима утратит свою магическую суть. Тело жертвы полагается съесть всей деревней... Обязана вкусить и мать несчастной. Голову, ступни и кисти рук забирает себе главный колдун людей-леопардов... Понятно для чего. На посвящениях обычно едят суп из человечины. Блюдо, каковое сегодня придётся отведать и самому Генри. На шее болтается подвешенная на красном шнурке зловещая борфима: её отныне нельзя снимать всю жизнь, иначе сила зверя покинет тебя. Ради амулета Генри пожертвовал последним человеком, близким ему по крови – племянницей Санде: правда, с её личного согласия... она сама хотела, чтобы у дяди всё получилось. Ему было очень жаль, накануне убийства Санде он выл от горя всю ночь... но других шансов не имелось. Люди-леопарды скрытны. Они издавна живут в лесах, нападая на окрестные деревни и появляясь по ночам на окраинах городов. Что там африканцы – даже белые со своими чудодейственными огненными стрелами не смогли ничего поделать с культом, распространившимся по британской и по французской Западной Африке и даже в независимом государстве Либерия, где чёрные сами выбирают себе вождей, называя их диковинным словом «президент». Сейчас люди-леопарды убивают тысячами, сея панику и ужас, заставляя целые селения сниматься с места и бежать в отчаянии куда глаза

глядят. Генри отлично знает, как они действуют. Носят при себе отрубленные лапы лесных зверей, оставляя чёткие отпечатки следов возле хижин, и терзают жертв с помощью кастетов, где закреплены железные крючья – подделка под когти леопарда. Члены культа зашивают друг друга в пятнистые шкуры, учатся имитировать рычание хищников, используя пустой глиняный сосуд, – да так, что ночью кровь стынет в жилах. Прячутся, сидя среди лиан, и едва пройдёт девочка (нарвать диких бананов) – обрушиваются, разрывают когтями и пожирают ещё дымящееся мясо бедного ребёнка. Впрочем, часто на мертвецах не находят укусов... Оборотни убивают ради удовольствия. Люди-леопарды выгодны всем. Вожди нанимают их, чтобы без войны устранить лучших воинов племени врага, колдуны – чтобы добыть человеческие внутренности для изготовления нужных снадобий. И даже некоторые богатые англичане, на словах выступающие против кровавого культа, щедро оплачивают уничтожение бешеных горцев, грабящих караваны белых купцов в пробковых шлемах. Ходят слухи, что у каждого оборотня есть свой покровитель – дикий леопард, и если получеловека-полузверя убивают, в тот же момент умирает и животное. Рёв во тьме имитируют правдоподобно, используя для страшного звука пустой глиняный сосуд.

За долгие годы Генри узнал о людях-леопардах всё.

Помимо вкушения варева из плоти, при посвящении ему придётся умыться кровью из огромного кувшина, отведать человеческое сердце и, возможно, убить ребёнка. Всё это нужно, чтобы втереться в доверие, показаться своим. Иначе не получится. В редких случаях, когда удаётся поймать человека-леопарда живьём, оборотень сразу откусывает себе язык... Специально – боится проговориться на допросе под пытками англичан. А написать признание не сможет – африканцы неграмотны. Их публично вешали, но зрители на казни шептались: ничего-ничего, колдун оживит его, и человек-леопард снова соберёт свою кровавую жатву[10 - «Общество Леопарда» в Сьерра-Леоне было запрещено британскими колониальными властями, однако жестокие убийства продолжались много лет. Самый пик пришёлся на 1907–1912 гг. – члены культа убили несколько тысяч человек, и тогда англичане начали массовые облавы и аресты. Хотя 400 людей-леопардов были арестованы и 18 казнены, никто не выдал логово, где они прятались в джунглях, и имя вождя культа. Великий Леопард, организовавший кровавые убийства, так и не был найден.]. Разве можно убить того, кто носит на шее борфиму? И англичане, и вожди, и самые последние нищие рыбаки не могли уяснить – зачем всё это? Почему люди настолько сходят с ума, что находят утешение в поедании человечины и кровавых убийствах во имя культа обычной лесной кошки? Генри с первых шагов помнит – богам всегда приносили жертвы.

В Африке жизнь не стоит и капли воды. Однако оборотни в пятнистых шкурах раздирали на куски женщин и детей не во славу загадочных тёмных божеств, чьи статуи обмазывают жиром и кровью, а попросту ради удовольствия. Самое интересное – из обычных людей никто и никогда своими глазами не видел основателя культа, Великого Леопарда. Для него похищали из деревень девушек, он поедал их сердца и пил их кровь. Леопард встречался с последователями сугубо на церемониях посвящения. О его способностях складывали легенды. Он владеет особой борфимой, отклоняющей огненные стрелы белых, заговорён специальным заклинанием и читает мысли любого человека. Кровь и части тел девственниц жизненно необходимы ему, дабы множить свою силу. Что ж... сегодня Генри посмотрит на Великого Леопарда.

...Они шли по джунглям три часа. Однажды Генри едва не наступил на змею, привольно свернувшуюся на корнях дерева, потом буквально возле уха услышал чьё-то плотоядное рычание. Кто это был – разбираться не стали, двое воинов метнули копья, кусты закачались... попали или нет, выяснять не пошли. Они достигли логова леопардов, когда вся цепочка «посвящаемых» выбилась из сил. Ничего зловещего – обычная лесная поляна с пеньками от вырубленных деревьев. Горящие костры. И множество бродящих в темноте существ в пятнистых одеяниях – настоящие леопардовые шкуры. Убежища в логове представляли собой привычные деревенские дома из листьев пальмы в виде скрученной воронки. В центре поляны на углях стоял огромный кувшин: горлышко выпускало пар, веером выплёскивались багровые брызги. Повинуясь инструкциям, Генри простёрся ниц, когда в руке пляшущего колдуна в центре поляны повисла, плавно покачиваясь, отрезанная девичья голова.

– Славим Великого Леопарда! – пронёсся над поляной клич, похожий на рык.

– Славим! – нестройно откликнулись будущие оборотни: за право превратиться в зверя и напиться силой тьмы каждый убил девушку своего рода.

Новобранцам поднесли дымящегося бульона с кровью – набирали из кувшина в калёбасу[11 - Выдолбленный сосуд из особой разновидности африканской тыквы.] и оттуда разливали по плошкам. «Котята», как называли кандидатов в леопарды, хлебали жадно, обжигая язык. Вкусив варева, каждый съел по кусочку человечины. Генри воспринял ритуалы стоически, даже равнодушно. Помимо Санде, он не знал людей, убитых ради жертвоприношения. Ещё ребёнком, корчась в слезах на голом полу монашеского приюта, он поклялся отомстить за свою семью людям-леопардам. Именно поэтому племянница Санде

и позволила скормить себя оборотням. Иначе не подобрёшься.

Генри мысленно призвал на помощь духов леса.

Надо собраться с силами, иначе всё пойдёт прахом. Второго шанса не будет. Он долго тренировался – и в приюте, и затем, когда поступил на службу к белым, воюя на их стороне против повстанцев – «чёрных братьев» в джунглях. Он обязан стать сильным. Мощным. Лучшим из лучших охотником. Лишь тогда достигнет главной цели своей жизни.

А вот и сам Великий Леопард. Он всегда появляется на церемониях посвящения, благословляя свежих оборотней. Прекрасно.

...Ученики один за другим подходили к фигуре в пятнистом плаще, в маске в виде головы зверя – существо вкладывало каждому в рот человеческий глаз. Генри стоял уже совсем близко. Факелы превосходно освещали лидера культа, и капрал британской колониальной армии пошатнулся. Сумасшествие. Пальцы, которыми тот берёт из корзины вырванные у людей глазные яблоки... они совсем бледные.

Генри моргнул. Нет. Зрение охотника – как у орла. Он не ошибается.

О мрачные боги тьмы, этот человек БЕЛЫЙ. Не африканец, как подозревают англичане. Не представитель племени хауса или йоруба. Настоящий европеец. Что ж, тем лучше. Хотя Генри честно служил белым и даже обрёл звание капрала, он не забыл ежедневные зуботычины, оплеухи и обидное прозвище «каффри» – им в армии высокомерные британцы награждали всех чернокожих. Его очередь. Пора. Он покорно подошёл к Великому Леопарду. Открыл рот. Почувствовал на языке что-то тёплое, отвратительное и студенистое. И, выхватив из-под пятнистой накидки револьвер марки «Энфильд», выстрелил отцу культа в грудь.

Шесть раз, целясь прямо в сердце.

Оборотень упал после первых двух выстрелов, оставшиеся пули поразили тело Леопарда, когда тот лежал на земле. Разумеется, Генри тут же схватили. В него вцепились десятки рук, вырвали «Энфильд», раздались возгласы ужаса и гнева, блеснули ножи. Он не сопротивлялся. Паства не помилует убийцу своего бога.

Вот и отлично, так даже лучше. Предназначение выполнено, теперь можно и умереть. Генри улыбнулся во весь рот – не хватало двух передних зубов, выбитых английским сержантом. Мёртвая прекрасная Санде, упокоившаяся в чужих желудках, ласково смотрела на него сквозь пламя костров. Скоро он увидится с отцом, братьями и сёстрами в далёких загробных джунглях. Чужую веру (как и имя) Генри принял только формально – его, как и многих других, жрецы белых загнали в реку и нудно запели, опуская на голову крест... но сердце охотника не обманешь. Боги даруют возможность после смерти выбрать лучшие моменты жизни. Он давно знает, что возьмёт. Ночами ему снилось, как отец вновь загоняет дикую свинью, возвращается, усталый и довольный, с добычей: и он, опять мальчишка, выбегает навстречу. Он умрёт, как и хотел, – великим воином, доказавшим, что угли мести тлеют годами.

Великий Леопард пошевелился.

Генри не верил своим глазам. Существо в пятнистой накидке, разорванной в местах попадания пуль, изгибаясь, поднялось на ноги. Адепты культа, шокированные не меньше, отпустили несостоявшегося убийцу – тот мешком осел вниз, к подножию костра. Великий Леопард молча смотрел на африканца, стиснув в кулаке мешочек с борфимой так, что побелели костяшки пальцев. Генри билась сильная дрожь, тряслись руки. Как такое возможно?! Он же видел, какие дыры в телах воинов оставляет оружие белых. Неужели он ошибся, и перед ним – не человек, а правда самый настоящий оборотень из старой легенды?

Глава лесных убийц медленно снял маску.

– Господи милостивый... – прошептал Генри, глядя в хорошо знакомое ему лицо.

Будь у него свободна рука, он бы сейчас истово перекрестился.

...В голове мстителя всё перевернулось. Значит, это настоящее колдовство. С ними никому не справиться. Великий Леопард такое же божество, как и Иисус. Капрал раскрыл рот с выбитыми передними зубами и расхохотался. Он продолжал смеяться даже тогда, когда оборотни начали раздирать его крючьями.

Глава 3

Музей

(Два километра от Унтер-ден-Линден, 25 апреля 1945 года)

Работа с головой ожидаемо заняла приличное время. К счастью, у меня дома всё профессионально оборудовано – и даже не в подвале, где, если судить по приключенческим романам, полицейские первым делом и ищут, а в замаскированном туннеле внизу – овальном, как большая цистерна. Согласно канонам, как говорится. Да, я прочитал гигантское количество современных детективов и литературы о маньяках: как на немецком, так и на других языках. Мне было важно понять, на чём конкретно несчастные прокололись и попали в руки полиции. Я планирую не повторять их ошибок... как и не собираюсь оправдываться за своё увлечение. Не спорю, я могу быть душевно болен, но искренне сомневаюсь в точности диагноза – в других вещах моё мнимое сумасшествие как-то не проявляется. Большинство «серийников», за редким исключением, были признаны судом и врачебной экспертизой психически нормальными. Полагаю, со мной всё в порядке. Я просто люблю охотиться, обожаю. А с каких пор пристрастие к охоте – умственное отклонение? Тогда поголовно вся знать Европы начиная с античных веков – сборище клинических идиотов. Но... есть ли смысл гоняться по лесу за примитивным животным, столь уступающим тебе в мозговом развитии? Сколько раз я видел – олень вообще не бежит при виде охотника. Стоит на лужайке и пялится, прямо-таки позирует, лучшая мишень. Даже волк или медведь, весьма, казалось бы, неглупые, обладающие предчувствием и силой млекопитающие, – вам отнюдь не ровня. А вот самка человека – да, тут потрясающий азарт. Мужчина так не будет цепляться за жизнь – проверено. Он устанет и сам выйдет тебе навстречу, дабы прекратить мучения. Женщина сопротивляется до последнего – у них, знаете ли, в крови заложен инстинкт продолжения рода. Охота на самок дарит превосходные ощущения. Это всегда первоклассный аттракцион, перенесение себя самого на экран кино, риск, адреналин, экстаз. У меня иногда дрожат руки от возбуждения, когда начинается загон дичи.

Правда, не путайте моё чувство с плотским восторгом.

Поверьте, не ощущаю никакой эрекции, даже намёка на неё нет. Раньше, признаюсь со стыдом, на охоте частенько случалось всякое, включая и

мастурбацию, – но все в юношестве совершают ошибки. Время сформировало образ, к которому я шёл всю жизнь. Я не сексуальный маньяк, а обычный, скучный убийца. Сейчас охотничий сезон закончится, и я с удовольствием отдохну – поверьте, не имею ни малейшей потребности убивать ежедневно. Для меня нормально выходить за дичью один раз год, а то и реже. Прежде нередко хулиганил – все эти мальчишеские письма в полицию, дерзкая игра «поймай меня, если сможешь», – а я ведь точно знаю, что меня не поймают. Недостойно для человека моего уровня заниматься подростковой ерундой. Хотя, конечно, и расслабляться тоже нежелательно. В разгаре крупнейшая за историю человечества война. Сегодня ты спокойно прошагал по дороге, где уже ходил тысячу раз, а завтра там ждёт противопехотная мина или неразорвавшийся снаряд. А авианалёты с сотнями бомбардировщиков? А снайперы? Ладно, чего я жалуюсь, как старая дева в борделе. Это же один из элементов, составляющих суть охоты. Должен быть риск, понимаете? Я никогда не одобрял развлечений зажавшихся нуворишей: егеря собирали им в специальный загон близ охотничьего домика диких кабанов, заказчики поднимались на вышку и лениво расстреливали животных из винтовок. Либо из луков, подобно президенту рейхстага и министру авиации Герману Герингу, изображавшему античного патриция. Впрочем, уже сутки как Геринг арестован спецотрядом СС согласно приказу Бормана в Бертехсгадене, снят со всех постов и лишён наград по обвинению в измене фюреру[12 - 24 апреля 1945 года официальный преемник Адольфа Гитлера – рейхсмаршал Герман Геринг был арестован в своей резиденции. Поводом послужило обращение к Гитлеру, что Геринг берёт на себя полномочия «главы правительства Германии». 5 мая освобождён из-под стражи, 8 мая арестован войсками США. Совершил самоубийство в тюрьме 16 октября 1946 года.].

Да, вот так и проходит мирская слава.

...Отдохнув, я спускаюсь в тайный бункер-«цистерну». Очень удобно, и тут хорошо всё сделано – стены выложены кафелем (легко мыть), огромный резервуар с водой (водопровод уже четыре месяца не работает, но я очень запаслив), утилизация отходов. Я не забираю тушу добычи целиком, однако с головой тоже хлопот не оберёшься. Смерть не делает из дичи красавицу, её надо тщательно вымыть шампунем от «Шварцкопф» и тут же залить медицинским спиртом. Его легко найти. Уж чего-чего, а алкоголь в Берлине льётся рекой – ибо кто же не пьёт, когда на макушку сыплются бомбы? Итак, ледяным «дождиком» смываю запёкшуюся кровь, убираю ненужные лоскуты кожи вокруг шеи, подравниваю ножом – в общем, косметическая работа. После этого голова отправляется плавать в прозрачную стеклянную банку.

Конспирация ни к чему, ведь меня всё равно поставят к стенке, найдут ли дичь в стекле или в обычных консервных банках. В бункере оборудована крохотная, всего на шесть метров, уютная комната отдыха. Мой личный частный музей. Там я медитирую перед охотой, пью кофе (сейчас очень трудно достать настоящий бразильский, такой паёк положен только высшим чинам, начиная от генерала вермахта или полковника СС) и веду философские разговоры. В качестве собеседников выступают отрезанные головы. По-моему, это прекрасно. Тебя не перебьют, не влезут с ненужным мнением, не попытаются оспорить сказанное. Стоят на полке в банках, внимают с широко распахнутыми глазами и раскрытым ртом, полным спирта. Ведь разве не красота? Для нас нет запретных тем. Мы с собеседницами обсуждаем секс, состояние современного общества, кинофильмы и музыку. И даже обстановку на Восточном фронте. Ещё один плюс подобных посиделок – никто не позвонит в гестапо, даже если ты позволишь себе капитулянтские настроения и прочие крамольные вещи. Например, рядом со мной живёт пожилой сосед, господин Фридрих Вайсмюллер. Душевный и тёплый человек, непременно раскланиваемся при встречах. Трое взрослых сыновей. Один убит под Минском, другой – во время наступления в Арденнах, третий пропал без вести при штурме кровавыми большевистскими ордами предместья Варшавы. И жена бедолаги Вайсмюллера пару недель назад (понятное дело, будучи не в себе) заикнулась – наверное, не стоило эту войну вообще начинать. Так знаете, он сам вызвал следователя из «гехаймштаатсполицай»: фрау Вайсмюллер арестовали, увезли, и что с ней – неизвестно. Поэтому мы всегда приветствуем друг друга возгласами «Хайль Гитлер!» и выражаем уверенность в скорой победе рейха. Ведь 12 апреля умер гнусный американец Рузвельт, а это, как обещает доктор Геббельс, наверняка повлечёт развал союза еврейских плутократов с Уолл-стрит и еврейских же комиссаров из Кремля. Так в 1761 году внезапная смерть русской императрицы Елизаветы Петровны рассорила коалицию, воевавшую против Пруссии, и спасла от краха королевство Фридриха Великого. Так и здесь – произойдёт чудо, и Великая Германия обязательно устоит.

Доктор Геббельс – гений. Так задурить мозг всем, включая и себя!

Я с нежностью смотрю на первую голову в банке. Ровно три недели назад, 5 апреля 1945 года. Особь девятнадцати лет. Я давно не убиваю молодняк, и рад своей сознательности – опытные охотники презируют беспринципных тварей, отслеживающих медвежат или волчат. Даже если и застрелишь медведицу, мать целого выводка, то сироток следует обязательно отдать в зоопарк либо в цирк. Признаюсь как на исповеди – да, и я начинал с неразборчивой, тупой резни... однако сейчас убийцы младенцев мне омерзительны. Я

эволюционировал до правильного, качественного маньяка нового поколения. Самку звали Гудрун – древненорвежское имя, но в рейхе популярно: так именуется старшая дочь Генриха Гиммлера. Сушая прелесть. Лапочка. Натуральная блондинка, голубые глаза, спортсменка – подбирал, чтобы мускулистые ножки, хорошо бегала. Пухлые губы прекрасно сохранились в спирту – кожа, конечно, сморщилась, но ничего. Ей недолго осталось тут плавать, я вскоре перевезу коллекцию трофеев в другое место. Гудрун была великолепна. Даже под дулом пистолета отказалась облачиться в платье с синим верхом и жёлтой юбкой – наряд Белоснежки из диснеевской сказки. Пришлось усыпить бунтарку хлороформом и переодеть самому. А это плохо, дополнительное время. Пятидесятикилограммовая девица – не кукла, ворочать её тяжело даже с качественной, как у меня, подготовкой. И это не последняя проблема. После хлороформа особи скверно восстанавливаются, тяжело соображают: мне необходима резвость газели, а не полёт сонной мухи. О, я зря беспокоился. Гудрун оказалась превосходной бегуньей. Она едва не вырвалась из парка, осталось уже совсем чуть-чуть – еле догнал. Столько силы было в этом дивном грациозном существе: она умудрилась прокусить мне толстую перчатку, почти достала зубами до кожи. А кричала-то как, словно поросёнка режут, – удивляюсь, почему фюрер в рейхсканцелярии не услышал. Вот такие вещи и возвращают тебя к жизни, ты понимаешь, зачем ты пришёл на эту землю из чрева матери... Охотиться и убивать дичь. Со второй прошло проще. Марта. Восемнадцать лет. Я улыбаюсь, еле заметно киваю. Специально заспиртовал так, что уголки её губ приподняты, и голова всегда улыбается мне. Красавица. Не столь строптива, к сожалению. При первой же угрозе заплакала навзрыд: «Пожалуйста, я сделаю всё, что угодно». Ну, конечно, моя дорогая, какие тут сомнения – сделаешь как миленькая. Она разделась догола прямо при мне – думала, я польщусь на её худенькое тельце. Дурочка. Я состоявшийся мужчина. А не зоофил, чтобы возбуждаться при виде дичи. Это у каких-то сопляков при виде освежёванной косули наступает эрекция, я-то уже справился с пороками пубертатного возраста. Вот когда она облачилась в бархатное платье Голубой Феи из «Пиноккио», натянула кое-как на голову парик из синих волос, тут, признаюсь откровенно, залюбовался. В каждом из нас, включая прожжённых циников, может всколыхнуть чувства прелесть природы. Знавал я старых охотников, каковые, узрев красавицу лосиху в двадцати метрах, столбенели, затаив дыхание, опускали ружьё и отпускали животное восвояси. Увы, исключено. Поскольку моё животное опишет внешность охотника, и полиция рейха выйдет на верный след. Я окажусь в роли зверя, а полицейские – охотников: такую игру я не люблю.

Позже довелось убедиться – для второй охоты я выбрал славный экземпляр.

Марта побежала не сразу. Я доставил её на место, развязал и обещал, что всё будет по-честному: если она выберется из леса, пусть считает себя свободной. Всегда держу слово. Когда выходит промашка, тут полностью моя вина. Я ведь не глупый рыболов, бесконечно являющийся к проруби, чтобы вытащить сорвавшуюся с крючка щуку. Да, сперва Марта вела себя по-дурацки. Она умоляла сохранить ей жизнь. Идиотка. Разве я неясно объяснил? Ты уцелеешь, выбирая правильную стратегию – далеко убежишь, надёжно замаскируешься, хорошо спрячешься. Пришлось слегка ткнуть ножом её руку и заорать в лицо, безумно вращая глазами: «Зарежу тебя, сучка!» Вот тут она рванула в чащу – поверила. Убегала отлично. Носилась. Пряталась. Настиг на самом краю Тиргартена. Пара минут – и оказалась бы на дороге. В чём ещё прелесть погони? В парке легко заблудиться, это же настоящий лес, местами прямо джунгли. Днём-то не сориентируешься, а ночью и чёрт ногу сломит – весь Берлин погружается во тьму, тщетно спасаясь от вражеских бомбардировщиков. Тиргартен – самый огромный парк в мире, больше двухсот гектаров. С началом войны власти строжайше запрещали рубить деревья на дрова, регулярно пристраивая в землю новые хрупкие саженцы. При короле Фридрихе Великом диких животных здесь было столько, что они, включая волков и медведей, забредали на улицы прусской столицы... Потому целый район так и называли – «Зверинец». Я закрываю глаза и слышу, как трубят охотничьи рога, несутся гончие. Авиация союзников разнесла окрестности, Тиргартен обезлюдел. Старинный парк ныне окружают развалины, публика уже не сидит в изящных беседках у прудов, не гуляет по тенистым аллеям. И это мне на руку – идеально для охоты, дичь не дожждётся помощи. Когда Марта поняла, что ей не уйти, – упала на колени и сама подставила горло под нож. Умерла без лишних страданий: ведь я же не палач и не изверг.

С ностальгией перевожу взгляд на третью голову.

Эльза. Шатенка с голубыми глазами, саксонский тип. О, это, скажу я вам, была тигрица. Сломала толстую ветку, напала на меня из засады, размахивая, как дубиной, с яростным воем. Целила этим поленом в висок, но промахнулась, иначе не сидеть бы мне сейчас в удобном кресле. Культурная особь, а изрыгала такие проклятья, что гамбургский портовый грузчик покраснеет. Ударила ногой несколько раз, пыталась зубами вцепиться в горло. Да, чудесный экземпляр. Вот бы ещё один такой попался. До полной коллекции осталось совсем чуть-чуть (на этот раз я наметил восемь сувениров – моё счастливое число), и можно навсегда покинуть негостеприимный Берлин. Думаете, пара сувениров – это так просто? Напрасно. Я ведь далеко не всё подряд отбираю, будьте уверены. Каких-то

особей приходится отбраковывать уже после охоты – поторопился при обезглавливании, повредил ножом кожу, и всё, трофей следует на помойку. Я предельно аккуратен, но, увы, такое со мной изредка случается. Ещё раз ласкаю взором лицо Эльзы в спирту, перед тем как перевести взгляд на четвёртую банку, и тут в дверь стучат. Достаточно громко – глухо барабанят. Слышу это, даже сидя в тайнике, вот какой грохот. Ну что ж. Я вытаскиваю из кармана вальтер, быстро проверяю, заряжен ли, и с пистолетом в правой руке иду открывать.

...У меня давняя уверенность – внезапные визиты определённо не к добру.

Глава 4

Мультфильм

(Принц-Альбрехт-штрассе, 26 апреля 1945 года)

Бомба упала совсем рядом – из окна были хорошо видны дым и сполохи пламени. С потолка просыпались частицы побелки. Спустя мгновение взрыв повторился. Затем снова. Комната вздрагивала, словно живое существо. Вольф Лютвиц сонно потянулся и стряхнул мелкую, белую, как мука, пыль с разложенных перед ним фотографий. На снимках были запечатлены жертвы Диснея – при жизни и после смерти. Улыбчивые, игривые, симпатичные – против обезглавленных, обескровленных, изломанных «манекенов», валяющихся в грязи парка. Густо облепленных насекомыми и чисто омытых дождём. Из кабинета слева неслись раздражающие звуки, назойливо стучали молотки – секция обороны поспешно устанавливала «колыбель» для пулемёта МГ-42. Радио транслировало бравурные марши, обещая скорую «великую победу». Пулемёт? Да он так, на всякий случай. Вдруг появятся жалкие остатки русских дивизий, чей хребет уже сломлен тевтонской обороной и несокрушимой мощью воинов рейха. Лютвиц с неудовольствием заметил, что пальцы у него дрожат. «Занервничаешь тут. Дисней продолжает убивать, а меня с минуты на минуту поставят к стенке красные. Гауптштурмфюрер явственно представил себе эту стенку – облезшую, с щербинами от пуль, следами засохшей крови и чьих-то мозгов. Впрочем, понятно чьих. С русскими он успел познакомиться в боях на Восточном фронте, когда и получил серьёзное ранение, заставившее вернуться на службу в тишайшие

кабинеты «крипо». Никаких иллюзий относительно своего будущего в ближайшую неделю у Вольфа не было.

В дверь постучали – в проёме появилось лицо Хофштерна. Багровые пятна на щеках пылали ещё ярче, чем в Тиргартене: Вилли снова отыскал выпивку.

– Тебе принести шнапс? – шёпотом заговорщика спросил он.

– Поскорее, и лучше смешай его с кофе, – кивнул Вольф. – Мне важно не спать.

– Доставлю в лучшем виде. Подожди минуту.

...Лютвиц низко склонился над столом и вновь вгляделся в фотографии единственным глазом. Убийца обожает американские мультфильмы. Правда, с декабря 1941 года (после официального вступления США в войну против рейха) они запрещены к просмотру, и ленты «прокатывают» только в кабинетах высших бонз империи. Тем не менее он сразу опознал одежду жертв – дочери Вольфа, как и положено детям, обожали диснеевские мультфильмы. Костюмы Белоснежки, Алисы в «стране мультипликации», Голубой Феи – очень качественный пошив, наверняка из театрального реквизита. Опросив театры в Берлине, а заодно уж (наугад) и в Мюнхене, и в Гамбурге, Лютвиц получил весьма предсказуемый ответ – заказов в последние пять лет не было. Никто не шил схожую одежду и в ателье, ибо это обязательно бы запомнилось – посреди тотальной войны, когда все строчат на «зингерах» исключительно военную форму. Откуда Дисней взял платья? Неясно. Впрочем, правила игры меняются по ходу пьесы – Вольф уже упомянул этот терзающий его факт в беседе с Хофштерном. Однажды убийца просто подкараулил жертву (19-летнюю сироту Дагмар Вайгль, работницу кондитерской) у неё дома. Замков любого уровня для Диснея не существует, он вскрывает их с лёгкостью и без следов. Перебрав личный гардероб девушки, убийца нашёл нужного цвета вещи и, когда Дагмар вошла в квартиру, явно угрозами потребовал переодеться. А потом уже гонял свою дичь по всему ночному Тиргартену. Стопроцентно, рассчитывает на испуг и панику. Будь девицы в нормальном состоянии, сориентировались бы, нашли выход к улице, позвали патруль. Это же не глушь непролазная – если долго идти в одну сторону, выйдешь в город. Но куда там. Истерика, страх, тёмный лес и пруды с чёрной водой. За каждым деревом видятся клыки чудовищ.

Одно вот несомненно. Парень свихнулся на мультипликационных фильмах.

«Алиса в стране мультипликации» – серия анимации, нарисованной в 1927 году. Допустим, маньяк видел сказки в четырёх-пятiletнем возрасте. Сколько ему сейчас? 13 лет? Невозможно. Дальше ещё хуже. «Белоснежка и семь гномов» выпущен студией Уолта Диснея в 1937 году. «Пиноккио» (про извращённое дерево с длинным носом) – в 1940 году. Человек, вдохновлённый подобными лентами, физически не мог смотреть их ребёнком. Слабая зацепка – вдруг в детстве он очаровался сказками братьев Гримм, а мультипликационные девушки дали всплеск больной фантазии... сработали, как спусковой крючок? Правда, загадка с жертвой вчерашнего нападения. Покойницу уже опознали – характерное родимое пятно на спине между лопаток. Урсула Рихтер, неделю назад исполнилось 18 лет, член организации «Вера и красота»[13 - «Вера и красота» (Glaube und Sch?nheit) – женское движение в составе гитлерюгенда, куда автоматически зачислялись девушки от 18 до 21 года.], медсестра из лазарета неподалёку от обугленных руин, ранее именуемых Потсдамер-плац. Одета в бледно-голубое платье (точнее, в то, что от него осталось после бешеного бега по лесу), на шее – чёрная лента. Собаки в лесу обнаружили голубую же туфельку – убийца водрузил её на постамент, захватив из кухни погибшей низенькую табуретку. Второй туфли не нашли, как ни искали. Стопроцентно, это Золушка – человек ведь сделал едва ли не миллион намёков, носом их буквально тыкает, тупых легавых. Но тут имеется крупная несостыковка...

«Дисней Студиос» не выпускал мультфильма про Золушку.

На экранах империи прокатывались и «Белоснежка и семь гномов», и «Алиса в стране мультипликации», и «Пиноккио». После запрета американской «масонской» кинопродукции в рейхе, Лютвиц (как, впрочем, и многие другие берлинцы) тайком слушал «Голос Америки»[14 - «Голос Америки» была основана именно как антигитлеровская радиостанция после вступления в войну США. Она начала вещание 24 февраля 1942 года.] на немецком языке и знал – на студии в США позже рисовали и другие мультфильмы... однако вот на тему Золушки никогда ничего не выходило. И это, по опыту Вольфа, чрезвычайно плохо. Серийный убийца не должен отклоняться от принятой программы – убивать тип женщин, избранный им изначально. Он словно робот, искусственное механическое существо – чётко и послушно следует заранее утверждённым планам. Казнённый в 1925 году на гильотине маньяк Фриц Хаарманн вёл себя весьма предсказуемо. Он находил своих жертв на центральном вокзале Ганновера, подавляющее большинство погибших (примерно 27 человек) являлись бродягами-гомосексуалистами. Способ лишения жизни тоже наличествовал один – перегрызть зубами (да-да, именно так) сонную артерию,

выпить кровь, разделать тело и продать (как молодую говядину) в соседние с вокзалом рестораны и кафе – всегда в одни и те же. Фриц ни единого раза не поехал в другие заведения Ганновера, хотя мог «толкнуть» там мясо дороже. Позднее, все эти рестораны закрылись – к ним перестали ходить начитавшиеся газет люди, а прежние клиенты были вне себя от ужаса и омерзения, что годами ели человечину под видом отбивных из телятины. Хаарманн, кстати говоря, не убил ни единой женщины – «ганноверский вампир» считал дам «сосудом порока и сифилиса». В общем, маньяк – существо, до конца верное собственным принципам.

И тут режут Золушку. Персонажа, о котором не снят мультфильм.

Это может означать одну неприятную вещь. У Диснея завёлся подражатель. Не совсем грамотный или же решивший превзойти оригинал и обратиться к «первоисточнику» – детским сказкам братьев Гримм, Шарля Перро и автора «Пиноккио» Карло Коллоди. Поскольку вышли тысячи переизданий, эти истории иллюстрировали десятки художников – каждый нарисовал свою версию Золушки. Такой простор открывается для воображения, вот прямо дух захватывает. В теорию, что серийный убийца внезапно сбился с пути истинного, следователь «крипо» Вольф Лютвиц не верит. Значит, придётся искать двух разных людей. Качественный маньяк обычно убивает, как в театре или кино, – обставив всё реквизитом, тщательно подготовив, позаботившись о зрелищности и красочности места постановки. Подражатель традиционно туп, неряшлив, тороплив и эталонным исполнением не отличается. Подумаешь, туфелька, вот удивил-то, гений. Ловить такого было бы куда легче, но в мирное время – а не в неделю штурма Берлина красными: власть дрожит, как студень на кончике ножа. Хм, а ведь «копия» маньяка могла убить и Дагмар, этим и объясняется отсутствие нужного платья. Час от часу не легче.

В голове Вольфа возникла новая тревожная мысль.

«Вампир» Фриц Хаарманн был внештатным сотрудником полиции. В штатском, но с полицейским значком. Бродяги, уведённые им с вокзала, и подумать не могли, что их склонит к греху, а затем загрызёт ночью полицейский: в Германии все слои населения исторически уважительно относятся к представителям закона. И если бы последняя жертва не была в курсе исчезновения людей на вокзале и не зашлась в крике, когда Хаарманн потащил беднягу к выходу, маньяка ловили бы ещё долго. Среди полицейских тоже хватает психопатов, это следует помнить. Убийца может быть осведомлён и о ходе следствия, и о

возможных уликах «крипо», способных привести к разоблачению и аресту. У Диснея особый пропуск, ночные патрули не досматривают его автомобиль. «Шутце» берут под козырёк, жандармы открывают шлагбаумы. Убийцей может оказаться кто угодно. Офицер СС, сотрудник СД, чиновник Трудового фронта, высокопоставленный дипломат из МИДа. Вольф уже сделал запрос в секретный отдел адресного бюро гестапо, ответ обещали прислать сегодня. Столько подозреваемых, что голова разболелась, охота выпить. Где же проклятый Вилли?

...Дверь открылась, и Лютвиц возликовал. Радость оказалась преждевременной.

Не спрашивая разрешения, в кабинет проскользнул оберштурмфюрер Альберт Рауфф – приземистый, средних лет лысый человечек с одутловатым лицом... Из тех, что называют серыми: встретишь такого на улице, внешность забудешь через пять минут. Вольф еле сдержал ругательства – ты только что представлял во рту божественный вкус дешёвого шнапса, а вместо этого в комнате появляется совершенно мерзкая сволочь. Ещё недавно Рауфф числился в подразделении «Мёртвая голова», занимавшемся охраной концлагерей, он принял активное участие в «Мюрфильтельской охоте на зайцев» в прошедшем феврале. Вместе с подчинённым ему отрядом СС без сна и отдыха гонял по лесам сбежавших из концлагеря Маутхаузен русских военнопленных[15 - В ночь с 2 на 3 февраля 1945 года из концлагеря Маутхаузен (в Австрии) был совершён побег советских военнопленных, прятались они в лесах. В течение трёх недель их искали СС, гитлерюгенд, а также фольксштурм. 410 человек были убиты, и лишь 11 пленным удалось дожить до Победы.]. Смекалка у Альберта работала прекрасно – словно овчарка, он чуял, где искать. Беглецов расстреливали в сараях с сеном для скота, травили до смерти собаками и оставляли замерзать в снегу, фотографируясь рядом с трупами. Рауфф достиг таких великолепных результатов, что его повысили – отправили в Главное управление имперской безопасности (РСХА) в Берлин. Ныне он следователь гестапо по особым делам.

– Хайль Гитлер, – заявил Альберт и плавно выбросил руку – словно уточка плывёт.

– Хайль Гитлер, – довольно скучным эхом отозвался Лютвиц.

Он сразу заметил чёрную папку под локтем у гестаповца.

– У меня для тебя две новости – хорошая и плохая, – оскалился Рауфф.

– Давай хорошую, – пробурчал Лютвиц, продолжая страдать без шнапса.

Оберштурмфюрер ловко, двумя пальцами, вытянул из папки листок бумаги.

– Здесь список лиц, живущих поблизости от Тиргартена и обладающих пропусками, дающими право передвижения через КПП во время комендантского часа. Тот самый, что ты сегодня утром запросил в адресном бюро гестапо через РСХА. В конторе очень интересуются, зачем тебе эти адреса? Наступление русских в полном разгаре...

– Я всё уже объяснил, – Вольф выхватил листок. – Ты помнишь случай Хаарманна? Убийцей может быть и полицейский. Мы в «крипо» перебираем любые версии, помогающие напасть на след Диснея. Давай плохую новость.

На улице сильно грохнуло, истерически закачалась люстра.

Улыбка Рауффа утекла с лица – вроде кто-то смыл акварельную краску.

– Мы получили информацию, что ты распространяешь капитулянтские настроения, – произнёс оберштурмфюрер тихим, театрально зловещим голосом. – Сейчас гестапо ищет этому подтверждение, опрашивая сослуживцев по «крипо», – в данный момент даёт показания Хофштерн. Он отрицает твои заявления на тему возможного проигрыша войны Великой Германией. Обычных штатских, фольксштурмовцев и солдат, согласно приказу Геббельса, за пораженческие разговоры вешают на месте. В отношении тебя, как фронтовика и офицера, мы открываем следствие. Будь готов вскоре побеседовать со мной.

Голова у Лютвица заболела ещё больше. «Господи боже, – подумал он. – Не я один, мы все сошли с ума. И даже не замечаем этого. Самая страшная особенность сумасшедшего – в уверенности, что он нормален. Рауфф будто не слышит грохота за окном».

Он устало кивнул – спорить было бесполезно.

– Делай, что считаешь нужным, – заявил Вольф, глядя в прозрачные глаза Рауффа.

– Благодарю за разрешение, – шутовски поклонился тот. – Расследование в процессе, но мы завершим его в сжатые сроки. Ты будешь либо допрошен, либо арестован в ближайшее время – обвинения серьёзные. До скорой встречи, адмирал Нельсон.

...Лютвиц и бровью не повёл, когда оберштурмфюрер покинул кабинет. Его раздражала тупая шутка гестаповца по поводу чёрной повязки на глазу[16 - Адмирал британского флота Горацио Нельсон (1758–1805), как считается, носил чёрную повязку на глазу, хотя это популярный миф. Вот чего у него точно не хватало, так это правой руки, потерянной в 1797 году.], однако грамотнее было сдержаться. Он углубился в чтение листка и вдруг улыбнулся. Надо же. Ему несказанно повезло. В радиусе от двух до пяти километров от Тиргартена не так и много обладателей заветного пропуска.

Всего-навсего пять фамилий.

ХАЙНЦ ВИНТЕРХАЛЬТЕР.

ДИТЕР ВЕНЦЕЛЬ.

ГАНС ЛАУФЕР.

ИОГАНН БАУЭР.

ГЕЛЬМУТ КЁНИГ.

Он не слышал, как вошёл Хофштерн. Лишь когда тот с виноватым видом поставил на стол фляжку со шнапсом, Лютвиц уставился на заместителя красным от бессонницы глазом.

– Запри дверь. Мне нужно поговорить с тобой об очень важном деле...

Глава 5

Коллекционер

(Район Тельтов-канал, в ночь на 26 апреля 1945 года)

Человек вошёл в дом очень осторожно. Он передвигался едва ли не на цыпочках – ступая мягко, словно кошка. Задерживаясь за каждым углом, хозяин выставлял вперёд фонарик, нащупывал дорогу. Свет был притушенный, слабый – пришелец опасался, что его передвижение заметят через окна с улицы. Постоянно оглядываясь, он пробрался на кухню и там включил фонарь поярче. Наклонился, внимательно осмотрел лежащий на полу женский труп. Тело окровавлено, повреждено, на обеих лодыжках следы зубов: видимо, в окно запрыгнула бродячая собака – стёкол в рамах давно нет, вышибло взрывной волной. Сбросил с плеч армейский ранец, вытащил пожарный топор. Примерился. Взял тело за ногу, подтащил к себе, замахнулся.

Треск костей. Блеск лезвия. Новый удар.

Управляясь с «разделкой», он не забывал поглядывать на дверной проём, нервно щурясь. Ночь не замолкала ни на секунду. Доносился дробный стук пулемётов, стрекотали, как кузнечики, автоматы ППШ и шмайссеры, ухали, словно филины, старые винтовки, грохотали гаубицы, слышались хлопки фаустпатронов. Земля упруго дрожала от гула бомбардировщиков, шедших на низкой высоте. Человек спешил. Он понимал, что игра зашла слишком далеко и отказаться от неё нельзя. Дом у Тельтов-канала находится не в слишком глубоком тылу русских, но в любой момент сюда могут ворваться немцы: не только улицы, но и квартиры в зданиях переходят из рук в руки. Остатки вермахта, СС и фольксштурма, хотя и отступают, изо всех сил стараются контратаковать, в отчаянии лезут на русские «дегтярёвы» с криками «Хайль!». Асфальт сменил цвет на багрово-красный, в загустевшей крови вязнут подошвы. До линии фронта полтора километра... всё может измениться в секунду. Но он предусмотрителен. Во избежание сложностей, прихватил с собой сразу два разных комплекта формы.

«Разделка» закончилась быстро – гость не был новичком в своём деле.

Положа руку на сердце, мог бы вообще этим не заниматься. В грохоте орудий, в алчной пасти войны, поглотившей Берлин, на чьих мостовых лежат десятки тысяч мертвецов (и лягут во много раз больше), можно бросить не одно – двадцать неопознанных тел. Но тут есть два принципа. Первый – он хороший мальчик. Да-да. Его в детстве мамочка учила убирать за собой игрушки и фантики от конфет, если забывал – строго наказывала. Тот оставшийся от деда солдатский ремень со свинцовой пряжкой и заключение на ночь в тёмном чулане он запомнил на всю жизнь, даже сейчас просыпается с криком. Это просто въелось в кровь, лечение не поможет. Он нервничает целый день: нужно вернуться и УБРАТЬСЯ, УБРАТЬСЯ, УБРАТЬСЯ. Нельзя оставлять бардак. Мамы больше нет, но мама такого бы не одобрила. Накажет. А он её слушается. Второй принцип тоже довольно-таки весом: ему необходимы три экземпляра коллекции. Самые лучшие. А потом пора перебираться в новое убежище у центра. По крайней мере, там без особых проблем легко прожить дней пять.

Он по-хозяйски замотал части тела в непромокаемый холщовый мешок.

Сдавил потайной рычаг на стене. Спустился по лестнице. Нащупал плоскую кнопку. Всё открывается. Чудесно. Человек вошёл в маленькую комнату, и... в лицо ему ударил ослепляющий свет другого фонаря. Одновременно послышался щелчок затвора.

– Ни хера не понимаю, – растерянно произнесли по-русски. – Наша форма?!

– Да. Конечно. Вчера этот район в ходе боёв перешёл к советской власти, – ему пришлось переодеться в гимнастёрку старшины РККА, даже медаль из комплекта нацепил, дескать, заслуженный фронтовик, не убогая тыловая крыса. Пятно света заставляло морщиться, луч плясал от ног до головы – смотрящий на него словно не мог поверить тому, что он видит. Так, пистолет в кармане, не за поясом. Выдернуть не успеет. Стало страшно. В мешке-то... если заглянет... да собственно, и тут, в подвале...

– Пошевелишься – убью, – спокойно пообещал незнакомец. – Кто ты такой?

Дивизия «Бранденбург»? Власовец? «Хиви»? [17 - Дивизия (с 1943 г.)

«Бранденбург 800» – отряды профессиональных диверсантов вермахта и СС. Её части использовались для захвата Львова и Майкопа в 1941–1942 гг.

Военнослужащие владели русским языком, как родным. «Хиви» – hilfswilliger, «добровольные помощники» вермахта, набираемые (в том числе и против воли) из населения оккупированных областей и советских военнопленных. Работали

водителями, поварами, сапёрами, позднее стали принимать участие в боевых действиях на стороне нацистов.] Будешь молчать – прострелю ногу, разговоришься.

Он закашлялся, пытаясь выиграть время. Гость терпеливо ждал.

– В шкафу три женские головы в банках со спиртом. – Яркость фонаря резала глаза, хозяин щурился и кривил лицо, но опасался прикрыть веки ладонью, это могло быть истолковано, как начало атаки... Голос по ту сторону луча света звучал глухо, безжизненно. – И ещё два разделанных трупа в доме. Думал, не найду твоё хранилище? Да брось. Рычаг же на видном месте. Я в милиции работал, мы тайничков в бывших купеческих особняках навидались, чтобы золото спрятать или любовницу втайне от жены ночью вывести. Одну жертву я узнал – это Настя, медсестра из нашей части. Не будь её, не остался бы тебя ждать. Собираешь коллекцию, верно? А коллекционеры никогда не бросают экспонаты, они за ними возвращаются. Кто две другие женщины? У той, что на кухне, в кармане аусвайс «остарбайтерин»[18 - «Восточные рабочие». В 1942–1944 гг. оккупационными властями Германии из СССР было вывезено почти 5 миллионов человек (в основном женщины) для бесплатного труда в Третьем рейхе, в том числе работы на заводах и домашнего труда, дабы «освободить арийских жён от повседневной занятости на кухне».] – Алёна Склярченко, из Винницы. Перед тем, как умрёшь, я хочу узнать: зачем ты их убил? Для чего отрезаешь головы? Не стану обманывать – всё равно застрелю, ты плену не подлежишь. Зато умрёшь быстро и без мучений. В противном случае с живого кожу сдеру: мне «языков» приходилось допрашивать. Нож достать, или добром скажешь?

По спине против воли побежали мурашки. Святые ангелы, этот ублюдок не шутит. Коснулся рта. Сделал круг рукой. Помотал головой, скрестил перед губами обе ладони.

– Глухонемой? – догадался незнакомец. – Надо же. Но русский ты понимаешь, верно?

Он кивнул. Да. Русский – довольно неплохо. Ещё чуть – французский. Боже, что же делать?!

Незнакомец подошёл к нему – в одной руке он держал фонарь, в другой автомат ППШ. Здоровый, рослый. С таким ему без оружия не справиться. Да и с оружием сложновато. Правда, он знает один хороший приём. Соберись, тряпка. Есть надежда на эффект неожиданности – от слабака, ничтожного запуганного существа не ждут внезапной прыти.

– Где у тебя лежат документы, сволочь?

Человек скосил глаза на верхний карман.

– Осторожно достань, без резких движений. Я нервный и в плохом настроении.

Он клял себя последними словами. Ведь чувствовал, как есть чувствовал – что-то не в порядке. Зачем вернулся? Легко бы переждал дня три-четыре, район останется глубоко в тылу, а этот больной утомится сидеть в засаде. Язык он разбирает, можно выдать себя за контуженого. Но нет – захотелось срочно забрать трофеи, поддержать в руках... Допрыгался. Глупо. Неужели прямо сейчас разом всё и закончится?

Взялся за карман. Плавню вытянул книжку красноармейца. Раскрыл.

– Панюшкин Николай Сергеевич, – прочитал незнакомец. – Гвардии старшина, одиннадцатый противотанковый батальон... А ксива-то у тебя фальшивая, невооружённым глазом видать. Второпях делали. Давай заканчивать этот спектакль. Du verstehst alles, richtig?[19 - Ты всё понимаешь, правильно? (нем.)] С какой целью заброшен в наш тыл? В чём состоит твоё задание?

– Ich werde alles erzahlen...[20 - Я сейчас всё расскажу... (нем.)] – ответил человек очень тихим, печальным голосом.

Комаровский ещё не успел удивиться чуду, что немой вдруг заговорил, как обмякший пришелец отклонился и ударил его головой в лицо. Дёрнувшись, Сергей выронил фонарь – противник с неожиданной силой схватился обеими руками за ствол автомата, выкручивая его в сторону. Старший лейтенант нажал на спусковой крючок, ППШ коротко, дважды вспыхнул огнём – нападающего отшвырнуло... Свалившись на пол, он ударился лицом о ступеньку и затих. Даже во тьме крошечной было ясно – обе пули попали в область сердца. Запах пороха смешался с «ароматами» спирта, затхлости и особенно тошнотворным –

гниющего мяса. Части тел парень стаскивал сюда, в потайной подвал. Настеньку, видимо, не успел – ограничился головой. Жалко, Курочкин не увидит, как рассчитались за него и Настю. Правда, неясно, кто этот хмырь с советскими документами, знающий русский язык, но говорящий по-немецки? Старлей пошарил по полу, отыскал фонарь (стекло треснуло), включил – свет выхватил из темноты мясистое лицо. Залысины по бокам лба, волосы каштановые, нос картошкой, крупные веснушки: да, легко за русского сойдёт. На полу блеснуло – струилась кровь, натекла небольшая лужица. Армейский ранец валялся рядом. Комаровский поднял его, заглянул внутрь. На ощупь – материя. Свёрнутый немецкий мундир – в чёрных петлицах на сером фоне блеснули молнии. СС. Розовая окантовка погона, четырёхконечная звезда – шарфюрер. Младший фельдфебель, если перевести на язык вермахта. Что ж, хорошая форма, без дырок от пуль и крови, всегда на вес золота в разведке, подойдёт. Комаровский закинул ранец за спину, слегка повозившись, застегнул ремни. Отлично. Теперь можно возвращаться.

Мертвец сел на полу – резко, как ванька-встанька.

Комаровский попятился. Что-то задел локтем – на пол упала и со звоном разбилась банка. Наружу выкатилась голова с белыми, слипшимися волосами, на старлея уставились невидящие зрачки. Человек в простреленной гимнастёрке не выглядел мёртвым – он смотрел вполне осмысленно, только из разбитого о ступеньку носа текла кровь. Сергей почувствовал странный холод в ногах. «Старшина» сунул руку в карман, и Комаровский, руководствуясь скорее фронтовым инстинктом самосохранения, чем осмысленной реакцией, вскинул ППШ. Три выстрела разорвали полутьму подвала – один из автомата, и два из пистолета ТТ. Пуля попала в фонарик, брызнули осколки стекла. Старшего лейтенанта спасла случайность: в момент выстрела он поскользнулся на разлитом спирте и рухнул – головой в лицо мёртвой женщины. Послышались грохот и стук сапог – «мертвец» бросился вверх по лестнице из подвала. Комаровскому хватило нескольких секунд вскочить на ноги и последовать за ним: ППШ, в чьём диске теперь не было ни единого патрона, остался рядом с мёртвой головой. Когда старлей оказался снаружи, «старшина» уже изрядно оторвался от него: он бежал изо всех сил, пружинисто, тренированно – неожиданно для человека его телосложения. Дома по обе стороны улицы горели, в небо поднимались клубы дыма и языки пламени. Остановившись, беглец снова выстрелил: пуля свистнула в метре от Комаровского, и это вселило оптимизм – ему противостоял неважный стрелок, способный попасть только с близкого расстояния. Зажав в потной ладони финку, старший лейтенант понёсся за убийцей вскачь, сокращая расстояние большими прыжками. В ушах стучала

кровь, и он пытался понять одно: как этому выблядку удалось выжить?

Сергей стрелял в упор. Он видел, куда попали пули.

Но немец поднимался – и бежал. Комаровскому приходилось наблюдать такое: однажды ефрейтор его роты, с восемью ранениями (полоснули очередь) сумел голыми руками сломать шею немецкому патрульному. Состояние шока и злость иногда поддерживают жизнь в смертельно раненом человеке на одну или даже две-три минуты. Однако с ранением в сердце никто не выживает. А этот удирает, словно заяц. Комаровский всё видит своими глазами, хотя... Он не спал сутки. Может, показалось? Может, он уже сходит с ума? Блядь, зачем он миндальничал с этой тварью? Следовало прикончить скота, едва тот вошёл в подвал. Без разговоров. Воткнуть финку в шею и смотреть, как тот подышает. За время войны старший лейтенант получил множество доказательств: как правило, люди с перерезанным до позвонков горлом впоследствии не воскресают. Впрочем, думать некогда. Расстояние понемногу сокращается. К тому же «старшина» внезапно замедлил бег. Остановился. Опустившись на карачки, убийца сдвинул что-то на мостовой рядом с объатым огнём зданием и... исчез.

Достигнув пылающей церкви, Комаровский понял, в чём дело.

Канализация. Он оттуда и пришёл. Может, прямо там и переодевался перед тем, как зайти в дом. Разведка докладывала – зловонные туннели под Берлином очень разветвлены, настоящие катакомбы XIX века, неподготовленный человек заблудится. Сапёры РККА где-то смогли заминировать ходы в коммуникациях, но не везде – боевые группы эсэсовцев вылезали из люков и наносили удары в тылу. «Подземка», как и берлинское метро (хотя оно уже прекратило работу), – тёмный лес: придётся действовать наугад. Комаровский прыгнул в люк, приземлился мягко, ничего не ушиб. Неподалёку слышался топот. В нос ударил запах застарелых нечистот – канализация не функционировала ещё с февраля, следствие американских авиаударов: никаких потоков и даже луж. На стене – надпись с потёками краски: «Берлин останется немецким!»

«Хуй вам», – мысленно пообещал Комаровский.

Он ринулся за убийцей – и с первых же шагов понял, что проиграет. Тот знал лабиринт «на пять», умел в нём лавировать – Сергей же оказался в незнакомом

месте. Случись пришельцу быть опытным фронтовиком, он подкараулил бы старшего лейтенанта в туннеле... Но эсэсовец, скорее всего, «паркетный», с такими они сталкивались на Зееловских высотах – когда тысячи офицеров СС, гестапо, СД и СА, никогда не видевших фронта, перебросили на передовую, как пушечное мясо: чтобы хоть на пару дней задержать наступление РККА. Щёлкнул выстрел, и Комаровский поспешил на звук – под ногами чавкала вонючая чёрная грязь. Завернув за угол, Сергей увидел скорчившегося у осклизлой стены мальчишку лет шестнадцати, в потёртой курточке и армейских брюках не по размеру, с повязкой фольксштурма на рукаве. Из пулевого отверстия во лбу струилась кровь. «Застрелил своего... блядь, я ничего не понимаю». Старлей быстро обыскал карманы убитого. Оружия нет. Либо паренёк прятался здесь от обстрела, либо «старшина» подобрал его винтовку. Сергей сунулся в соседний «переулок» и через двадцать минут обнаружил – путь ведёт в тупик. Старлей проплутал по туннелям ещё час, пока не заблудился окончательно. «Ушёл, сволочь. Ушёл всё-таки». Комаровский добрался до ближайшего люка и осторожно, приподняв железную крышку, выглянул наружу. Краем уха уловил немецкую речь. Сергей аккуратно спустился. Постоял, прислонившись к стене. Подумал. Внезапно в глазах потемнело. Он глотал воздух, но дышать какое-то время не мог. Голову стиснула боль. Закашлялся. Слишком долго не лечился, целый день, начинается приступ. Выхода нет. Нужно лекарство, и срочно. Вытащив из ранца светло-серую форму, Сергей, закусив губу, начал переодеваться...

Бездна № 2

ДЖАЗ ДРОВОСЕКА

(Нью-Орлеан, штат Луизиана, США, 1920 год)

– Проходите, пожалуйста, сэр.

– Благодарю вас. Я не слишком рано? Предпочитаю приезжать на интервью заблаговременно, профессиональная привычка. Где можно повесить пальто?

– Прямо вот здесь.

– Спасибо.

– Что будете пить?

– Бурбон, если не возражаете.

– Сразу видно опытного журналиста. Располагайтесь. Блокнот при вас?

– Конечно.

– Вот ваш виски. Я пью безо льда, он только портит вкус.

– (Торопливо.) О, безусловно, сэр. Я тоже.

– (Присаживаясь напротив, взяв стакан.) Итак, что вы хотите знать?

– Капитан Дюбуа, месяц назад вы без каких-либо объяснений покинули департамент полиции Нью-Орлеана. Общеизвестно: именно вы занимались розысками по делу Дровосека, совершившего с мая восемнадцатого до октября девятнадцатого года семь убийств в нашем городе. Маньяк не пойман. Сэр, связана ли ваша отставка с провалом следствия? Ведь оно так и не вычислило убийцу.

(Короткая пауза.)

– Я покривил бы душой, мистер Фрейзер, начни я возражать. Да, мне пришлось покинуть свой пост, наверное, через месяц поеду на ранчо, займусь разведением скота: продолжу бизнес, который когда-то кормил моих отца и деда. Мне отвращает жизнь тот факт, что Дровосек до сих пор наслаждается свободой. Мы привлекли лучшие умы города, перебрали сотню версий и в итоге расписались в своём полном бессилии.

– Действительно ли Дровосек копировал своим поведением Джека-потрошителя?

– По сути, да. Та же система. Серия отвратительных убийств, каковая внезапно прекращается – так же резко, как и началась. Но есть и отличие – в безжалостности и хладнокровии. Он нападал на всех подряд. Вам известно – в

числе жертв топора Дровосека есть беременная женщина и двухлетняя девочка. А ведь потрошитель не убивал детей. Конечно, наш убийца знал о Джеке, этим и обусловлены письма в газеты. Ваше издание их получало?

– Да. Он писал о себе: «Я демон, явившийся из глубин ада за вашими душами. Вы ничего не сможете сделать. Подчиняйтесь мне – и тогда останетесь в живых».

– (С лёгкой брезгливостью.) А вы-то и рады это публиковать.

– Простите, капитан. В бумажном деле главное – побыстрее продать тираж, иначе мы пойдём по миру... Ведь газета, как бабочка, живёт всего один день. Кстати! Верна ли наша версия, что Дровосек на самом деле убивает давно, с двенадцатого года?

(Внушительный глоток виски.)

– Такое мнение не лишено оснований. По крайней мере, несколько убийств мужчин и женщин в Нью-Орлеане были совершены при помощи топора, и характер ран заставляет говорить, что... они похожи, словно это делал один и тот же преступник. Однако прямых подтверждений мы всё же не отыскиали.

– Стало быть, имена первых жертв Дровосека официально не изменились?

– Да, бакалейщик-итальянец Джозеф Маджо и его супруга Катрин. Они спали, когда поздней ночью двадцать второго мая тысяча девятьсот восемнадцатого года убийца проник в их дом и нанёс мужчине четыре удара топором по голове. Катрин получила три удара лезвием, для верности Дровосек перерезал ей горло... Бедняжка истекла кровью и скончалась на месте, а её супруг умер позже, на руках у своих братьев. Следующей погибла Харриет Лоу, возлюбленная владельца другого магазина – Луи Безумера: её аналогично зарубили в постели. Миссис Шнайдер, на восьмом месяце беременности, подверглась нападению в собственном особняке. Дровосек виртуозно проник в помещение – мы не нашли каких-либо следов взлома.

– Правда ли, что миссис Шнайдер могла видеть лицо убийцы?

– Да. Но, к сожалению, она хоть и выжила после покушения, абсолютно ничего не помнит. По нашим предположениям, её ударили сзади по голове настольной лампой, женщина лишилась сознания и не чувствовала, как тело кромсают лезвием. И если ранее мы рассматривали вариант неудачного ограбления или даже мести кредитора из итальянской мафии (не секрет, что мистер Маджо задолжал всем вокруг, включая дворника на своей улице), то здесь из дома ничего не взяли. Подумать только, убийца не заглянул в бумажник жертвы, а ведь внутри лежали семь полновесных долларов! Десятого августа был зарублен Джозеф Романо, при этом Дровосек не тронул двух его племянниц, а лишь молча постоял у их постели с топором. Страшнейшая из расправ Дровосека – резня в семье Чарльза и Розы Кортимилья. Убийца обухом проломил супругам черепа и умертвил их двухлетнюю дочь Мэри. Я опустошён. Почему Господь допускает такое? Самое чудовищное – Дровосек убил невинное дитя, пока оно спало на руках у своей матери, воткнул ей лезвие в шейку сбоку... К счастью, девочка ничего не успела почувствовать.

– (С содроганием.) Какой же кошмар. На всё Божья воля, сэр.

– Безумно жаль, что и на подобные вещи в том числе. Бедного ребёнка не удалось спасти, а муж и жена выжили, но горе так подкосило их, что они впоследствии развелись. Девятнадцатилетняя Сара Ломэнн, следующий объект атаки Дровосека, находилась дома одна. Он снова проник в жилище без препятствий, открыв окно. Сара спала в кровати, маньяк нанёс ей удары по черепу, лишил бедняжку четырёх зубов – окровавленный топор констебль потом обнаружил на газоне. Невероятно, но и она не видела лица нападающего... В этом вообще загвоздка. Семь человек погибли, семеро выжили... И НИКТО не рассказал о Дровосеке. Он словно привидение, понимаете? Появляется, убивает и снова уходит в ночь. Существо без лица. Мы не имеем описания, не знаем внешности, даже цвета волос.

– (Допивая виски.) Моя жена и сейчас молится, ложась спать. Нет, это не стандартная молитва – если я умру во сне, пусть Господь возьмёт мою душу, – а о спасении от Дровосека. Как вы полагаете, мистер капитан, он ещё вернётся?

– Последнее убийство совершено двадцать седьмого октября тысяча девятьсот девятнадцатого года. Маньяк зарубил Майка Пепитоуна, но не тронул жену покойного, хотя спокойно вышел из спальни прямо перед ней, в крови с ног до головы. Расправлялся парень с Пепитоуном основательно – все стены и даже потолок оказались в красных потёках. И, чёрт возьми, снова – жена Майка, мать

шестерых детей, не дала нам информации о лице Дровосека. Честное слово, в самом-то деле подумашь: он настоящий демон, пришедший к нам из преисподней. Его видели с полдюжины людей, но все они не способны дать описание внешности этого ублюдка. Да, я думаю, он ещё вернётся. Но не знаю, когда именно.

– Как следователь, что вы можете рассказать о характере Дровосека?

– Он просто любит убивать и откровенно наслаждается вниманием прессы. Может, парень вообще затеял всё ради статей в газетах. Я знаю из прошлого опыта – серийные убийцы тщеславны. Они не пропустят ни одной публикации, им интересны рассуждения, мнения и даже оскорбления в их адрес. У меня в голове давно сложился образ Дровосека. Возможно, он профессиональный взломщик или бывший полицейский, поскольку без проблем проникает в запертые здания – ранее работал с замками и в курсе, как правильно их вскрывать. Внешность Дровосека настолько типична, что вы встретите за день сотню подобных людей и не обратите на них внимания, – ведь имеет он на физиономии шрам или другую отличительную особенность, она бы врезалась в память. Такие люди комфортно чувствуют себя в тени. Им приятно видеть своё имя в газетах, однако они не обладают лицом дамского любимчика. Редко случается, чтобы серийный убийца был смазливый красавцем. Кстати, вам принести ещё виски? Сложно беседовать без выпивки.

– (В смущении.) Мне стыдно попросить, я всего лишь гость.

– Мистер Фрейзер, не надо скромничать. (Звук льющейся жидкости.)
Пожалуйста.

– Спасибо. Так вот, и в нашем, и в другом издании было напечатано более сотни версий, кем на самом деле является Дровосек, свои мнения высказывали психологи, специалисты по криминалу и, прошу прощения, отставные полицейские вроде вас. Некоторые даже пытались набросать карандашом портрет убийцы, но шли на поводу клише, рисуя здоровенного двухметрового громилу с бородой и огромными бицепсами... Таким, вероятно, и должен выглядеть дровосек в лесах на границе с Канадой. Каким представляете маньяка лично вы, сэр?

– (Глоток.) Хм. Вопрос не из простых. Наверное, имей я перед глазами точное описание, Дровосек уже сидел бы за решёткой или дымился на электрическом стуле. Я не зря упомянул о копировании преступлений Джека-потрошителя. Этот знаменитый серийный убийца явно получил высшее образование – скорее всего, медицинское, о чём свидетельствует техничная разделка тел уличных проституток в Лондоне. Тем не менее он старался запутать полицию, посылая в Скотланд-Ярд письма с грубыми грамматическими ошибками, написанные очень красивым, изящным почерком аристократа. Тут то же самое. Дровосек – образованный человек, с хорошим вкусом, знающий толк в хорошей музыке. Он не будет слушать простое брэнчанье на гитаре или дурной саксофон.

– Вы намекаете на тот самый «джазовый вечер», сэр?

– Именно, мистер Фрейзер. Тринадцатого марта девятнадцатого года Дровосек разослал одно и то же письмо во все газеты Нью-Орлеана, обещая, что следующую жертву он убьёт девятнадцатого числа, через четверть часа после полуночи. «Я тот, кого новоорлеанцы и ваша глупая полиция называют Дровосеком. Я не человек, а дух из самых горячих глубин преисподней. Пусть они никогда не узнают, кто я такой, иначе лучше бы им не родиться на свет ввиду гнева Дровосека. Несомненно, новоорлеанцы считают меня ужасным убийцей, им я и являюсь, однако могу быть и куда хуже, если захочу. Я буду приходить к вам каждую ночь и унесу с собой жизни тысяч ваших лучших граждан, благо я в близких отношениях с Ангелом Смерти. Я обожаю джаз, и клянусь всеми дьяволами: тот из вас, кто будет слушать дома или в баре эту музыку, останется в живых, а те, кто не захочет: к ним я точно явлюсь с топором. Я худшее, что может представить ваша фантазия»[21 - Это письмо прекрасно сохранилось, оно большое и наполнено рассуждениями. В послании нет ни одной грамматической ошибки, что заставило полицию думать о высшем образовании Дровосека. Убийца так и не был найден.]. Помните это?

– (Содрогнувшись.) Ещё бы. В ту проклятую ночь я заплатил взятку в десять долларов, чтобы попасть в скромный бар, где средних способностей музыканты дрожащими руками играли джаз. Помещения были набиты битком, люди сидели прямо на полу. Каждое убогое кафе с тремя столиками трещало от наплыва посетителей, из каждого угла звучал джаз. Многие, кому не хватило места, играли музыку на улице, на тротуарах, – и профессионалы, и любители. Весь Нью-Орлеан был насыщен джазом, его звуки витали в воздухе. Я заливал страх бурбоном и трясся: боже, боже мой, что же будет. Это был вечер по-настоящему убийственного джаза, хотя Дровосек так и не вышел на охоту.

– Цинично, мистер Фрейзер, однако я тоже ценитель джаза. И если бы не кровавые убийства, тот вечер был бы лучшим в моей жизни. Звуки музыки неслись отовсюду.

– (Прикрывая мечтательно глаза.) О-о-о...

– Пожалуй, ещё порция виски не повредит. Вы как?

– С удовольствием, сэр.

– Достану ещё бутылочку, спрятана на нижней полке шкафа – супруга бдит, знаете ли. (Кроткая усмешка.) Но я ещё старого поколения, мой завтрак начинался с глотка бурбона.

– Искренне благодарю. Вам помочь?

– Нет, спасибо, я справлюсь сам.

(Через пару секунд слышится сильный удар. Падение тела. Хряск, бульканье. Подушки дивана сминаются под тяжестью человека, присевшего с полным стаканом виски в руке – отметить грамотно завершённое дело.)

– Капитан Дюбуа, спасибо вам за компанию, интересную беседу и угощение. Виски прекрасен – не зря доносились слухи, будто вы большой знаток и ценитель бурбона. Я знаю, сейчас вы не можете мне ответить. Да и позже вряд ли удастся. У вас даже рта нет – перестарался с ударом, от лица, в сущности, ничего не осталось. Сэр, вы совершенно правы. Я и в самом деле обожаю джаз – когда слышу чарующие звуки саксофона, таю, как масло на горячем пироге. Извините, не смог не заглянуть к вам для заключительного аккорда. Ваше тело, как и труп журналиста Фрейзера, чьё удостоверение я временно позаимствовал, завтра наверняка найдут. Полицейские всё же до изумления глупы – вы мельком взглянули на фото пресс-аккредитации, а я совершенно не похож на Фрейзера. Ничуть не удивлён, что вы меня не поймали.

(Подходит к старому поцарапанному граммофону, ставит пластинку и долго наслаждается джазом, положив окровавленный топор, разминая пальцы в такт... Глаза закрыты, губы что-то шепчут... Костюм и ботинки в крови... Это

продолжается минут двадцать, после чего убийца останавливает запись.)

– Ухожу. Поспите в обществе моего топора, господин полицейский. Выглядите вы неважно, но ничего – похоронят в закрытом гробу. И возможно, даже под джаз.

(Слышны размеренные шаги, затем – звук захлопнувшейся двери.)

Глава 6

Голем

(Два километра от Унтер-ден-Линден, 26 апреля 1945 года)

Я откровенно разочарован. Господи, почему мир так устроен? Люди тупы, как пробковый дуб. Банальных, совершенно элементарных заданий, с которыми справится даже шимпанзе (вроде чистки банана), и то поручить некому. Заново убеждаюсь: я должен рассчитывать исключительно на себя. От этого откровенно грустно. У меня давняя традиция – брать помощников для охоты. Ну, знаете, так раньше со знатным дворянином в лес выезжал целый отряд: егеря, слуги, загонщики, иногда и повара. В нынешних условиях я не могу себе позволить полный штат свиты. И дело тут совершенно не в деньгах – в наше нелёгкое время сложно на кого-то положиться. Безусловно, я не одинок. В мире полно личностей разных профессий, обожающих охоту, но не умеющих правильно, с настоящим искусством ею заниматься. Я аристократ, они простолюдины – так уж рассудил Господь, поставив нас на разные социальные ступени. Изредка я привлекаю единомышленников. Поначалу, разумеется, долго присматриваюсь. Нелюдимость, скромное поведение, отсутствие родственников, спокойная жизнь... Про таких голубчиков, когда потом у них в подвале находят штабеля трупов, соседки говорят: «Ничего не понимаю. Любезный человек, вежливый, всегда здоровался, спрашивал: «Как вы сегодня, фрау Диркшнайдер?» Да, это мой образцовый слуга. Я беру обычно одного, в самом крайнем случае двух. Пол значения не имеет – в Кливленде мне помогала женщина... И надо сказать, со всей души – дамы, если проникнутся моим хобби, могут быть хорошими загонщиками. Увы, помощница тронулась умом от ревности, сдав мою дивную коллекцию полицейским, и сама стала объектом лесной гонки (о, какие под

Кливлендом уникальные чащи и болота!). Ладно, не будем о грустном. Иногда задача егеря – совершать похожие акты охоты и таким образом запутать полицию в догадках. Подручному милостиво предоставлено право мелких наслаждений: захватить нужную добычу, усыпить, переодеть, привезти в определённое место... дальше всем занимаюсь уже я. Нет-нет, далеко не всегда: для меня удовольствие охоты открывается с самых первых шагов – идёшь по улице и вдруг поворачиваешься на запах духов незнакомой тебе взрослой особи. И прямо сейчас понимаешь – это и есть твоя добыча, ей осталось жить семь-восемь дней, далее её голова окажется на моей полке... А сама дичь этого в душе хрупкой не знает. Стоит себе и, как положено животному, что-то жуёт – купленную с лотка вафлю или мороженое. В такой момент сердце обдаёт теплом, я непроизвольно улыбаюсь. Не выйди ты сейчас прогуляться, дура, – осталась бы живой.

О чём я? А, о помощнике.

В нынешних условиях он необходим. Идёт разрушительный штурм Берлина. В городе жизнь не стоит и пфеннига, зато дрова на вес золота. Ещё в начале апреля сотни жителей умирали от переохлаждения, да и сейчас не сказать чтобы тепло – весна выдалась на удивление холодная и мокрая. По карточкам выдают горелую муку, очереди огромные. Вот и теперь – я сижу дома, наслаждаюсь тихими звуками джаза (пластинки запрещённого негра Армстронга можно купить только на «чёрном рынке», и меняют не на хлеб, а на самое дорогое – мясные консервы и сало[22 - Джаз, который играли чернокожие музыканты, был запрещён в Германии в конце тридцатых годов как «дегенеративная негритянская музыка». В январе 1942 г. произошли массовые облавы полиции и гестапо на тайные клубы любителей джаза – посетителей отправляли на перевоспитание в лагеря на 2–3 года.]), улицу заливают как из ведра... М-да, пропускаю удобное для охоты время. Ливни тушат пожары в пылающей столице рейха, но пламя разгорается с новой силой. Город окружён, русские бьют из орудий и танков по центру, им даже не надо целиться. Здания превращены в крепости (по крайней мере, так уверяет по радио доктор Геббельс), улицы перегорожены баррикадами из старых кроватей, телеграфных столбов и бетона, за каждой засели фольксштурм и СС. Поразительно, но власти и сейчас строго обязывают жителей Берлина убирать завалы, хоронить убитых солдат... Боже, фантастическая страна. Зато пивные на Курфюрстендамм под обстрелом работают до позднего вечера, переполнены людьми, тратящими рейхсмарки... Ну да, адский страх можно перебороть только с помощью хорошей выпивки. И конечно, атмосфера свободной любви. Завтра мы все умрём, обратимся в пепел среди пламени Берлина, или нас уведут на арканах в Сибирь

бородатые казаки-большевики... так зачем же ограничивать себя? Я получил на неделе два предложения секса от сотрудниц, казавшихся мне жеманными недотрогами, – они пьяны и испуганы. Человечество обожает пить и спариваться, посему перед угрозой смерти начнёт не ходить по музеям, а пить и спариваться ещё быстрее[23 - Согласно исследованиям немецких и британских историков, в последнюю неделю перед падением Берлина в 1945 году всюду царили пьянство и секс – немецкие девушки стремились отдать девственность солдатам, боясь насилия «русских варваров». Любовью занимались едва ли не на виду у всех. Пивные и рюмочные, согласно приказу имперского комиссара обороны Берлина доктора Геббельса, должны были отпускать алкоголь без ограничений.].

Но вот забавно – работу-то по-прежнему не прогуляешь.

Если не появишься в своём кабинете, за тобой вышлют патруль СС – проверить, не сбежал ли ты в тихое местечко в горах. 16 апреля арестовали личного врача Гитлера – группенфюрера Карла Брандта... Он под шумок отправил семью в Баварию, дабы те без помех дождались американцев[24 - 2 мая 1945 года группенфюрер СС Карл Брандт был освобождён из заключения, но через 21 день арестован англичанами. Повешен в тюрьме Ландсберг в 1948 году.]. У нас в конторе мелкие клерки громогласно заявляют, закатывая глаза, – вот мерзавец, какая гнуснейшая государственная измена. Можно подумать, они поступили бы иначе. Немцы словно плавают в благоухающем цветочном пространстве, думая: всё образуется само собой, случится чудо. Моего соседа (не герра Вайсмюллера с неблагонадёжной женой, а из дома напротив, герра Браунштайнера) оштрафовали за неуборку мусора возле дома – десять рейхсмарок. Выписали квитанцию, предупредили: оплатить в течение месяца. Да что тут будет через месяц, а? Русские в бинокли рассматривают рейхсканцелярию, но законы работают до последней минуты падения империи. Порядок есть порядок: и в день апокалипсиса немец не перейдёт улицу на красный свет.

Ох, как же я зол, кто бы знал.

Поражу вас новостью – мой помощник сегодня здорово меня подвёл. Чего уж там – поступил, как последняя скотина. Да, слуга и не должен достигать уровня развития господина – он обязан быть слегка туповат, но от него требуется быстрая реакция в опасной обстановке. Нынешний принят на службу для отвлечения внимания полицейских. Низменно подражая мне, он проводил собственную охоту на самок «остарбайтерин», и это даже не охота – избиение.

Боже мой, кто хватится русской, польки или сербки? Первое подозрение – сбежала, а если и найдут обезглавленной, дело не откроют: мало ли, умертвили сообщники или расправился бдительный гражданин рейха. Резать головы «остарбайтерам» – всё равно что связать дрожащих кроликов, отойти на пять метров и стрелять по ним в упор из автомата... За убийство «остарбайтера» нет наказания, любой хозяин в Германии может забить раба насмерть без особых последствий. Ну ладно, этот придурок копирует великого охотника (я про себя) – пускай развлекается, больше трупов только на руку. Однако ничтожество вообразило себя вершителем судеб. Взял и убил особь из числа большевиков... Клянётся – дескать, не нарочно. Он только что в доме собственных предков рядом с Тельтов-каналом обезглавил давно выслеженную грудастую «остарбайтерин»... Гениально, человек выбрал дичь неподалёку от линии фронта... и конечно, тут прорвались русские. Слуга спрятался от обстрела в подвале, где с недавних пор хранит охотничьи трофеи. Выйдя наружу, заметил набирающую воду ведром русскую медсестру – очень красивую, с рыжими волосами, а они всегда приводили прислужника в состояние животного возбуждения. Этот щенок клялся мне – якобы русская его увидела, могла закричать... не верю. Вот была бы брюнетка – поверил бы, а тут не буду. Он её убил – ударил два раза ножом в спину, мол, девка и взвизгнуть не успела. Отрезал голову, тоже логично, – куда без трофея, если уж связался. Но вот что дальше делает придурок? Боится забрать добычу, вдруг по дороге обыщут патрули... Запихивает лицо особи в банку в подвале дома. По туннелям канализации пробирается обратно. После чего переодевается в русскую форму (ту, что предоставил ему я, – об этом чуть позже), ждёт до ночи и является за коллекцией на территорию, УЖЕ ЗАНЯТУЮ русскими. Господи, какой же кретин! И главное, он не потрудился меня известить. Напротив, позволил себе подлый обман. Когда я нежно намыливал «Шварцкопфом» головку Золушки, слуга настойчиво постучал в мою дверь. Попросил одолжить русский мундир и удостоверение красноармейца – якобы распахивался, что большевики прорвутся к его дому. Я (теперь мне урок) снаивничал – парень превосходно играл свою роль, объяснял очень убедительно, линия фронта меняется каждую минуту... сглупил, выдал всю экипировку с медалями и документами. Вот знаете, никогда не считал себя богом. Безусловно, я существо тщеславное (обожаю читать о результатах своей охоты в газетах – к сожалению, прессе Третьего рейха сейчас не до Тиргартена), но в то же время весьма осторожное. Я понимаю, что уязвим, по моему следу идёт «крипо», меня (ввиду моей должности) не помилуют большевики... В конце концов, я могу погибнуть от осколка шального снаряда – взрывы на улицах не утихают. Зато тот дебил, вероятно, возомнил себя бессмертным ниндзя из японских легенд. Русские ударили вермахту в тыл в Нойкёльне, захватили десятки жилых кварталов

Берлина, контролируют пригороды Шмагендорф и Рейгау, убили тысячи эсэсовцев, вермахт не прорвался им на помощь. А слуга, страдающий (иного вывода у меня нет) размягчённостью мозга, еле зная язык, переодевается в советскую форму и возвращается в Тельтов. Зачем? Забрать свои трофеи и, цитирую, «привести дом в порядок, сделать уборку, на кухне туша лежит». ИДИОТ.

Сами вот посудите – с кем приходится работать. Жалости не прошу, просто факт.

Естественно, кретина ждала засада. Совершенно не жаль, если бы тупого осла пристрелили на месте, но... да, для меня так хуже. Давайте я не буду пока рассказывать детали, весь трясусь от злости. Пришлось бы в одиночку решать опасную проблему, а это крайне утомительно: я же не американский герой из комиксов вроде Бэтмена или Супермена[25 - Первые комиксы про Супермена появились в продаже в США в 1938 году, первые комиксы про Бэтмена – в 1939 году, когда Третий рейх не находился в состоянии войны с Америкой, и снискали бешеную популярность в Германии.], чтобы оптом уничтожать толпы врагов. Отныне больше никакой самостоятельности и выдачи экипировки для егерей. Чудом оторвавшись от преследования, слуга явился к моему порогу, словно шелудивая собака. Честное слово – сейчас бы я сам с величайшим удовольствием всадил пулю в затылок этого животного: он по уровню интеллекта не слишком-то отличается от дичи. Да и я хорош – взял и отдал драгоценную форму. Мудак сбросил её сразу перед выходом из люка, далее передвигался в трусах и майке: благо его жилище в полусотне метров от ближайшего входа в канализацию. Уфф, хватит себя казнить. Придётся взять слугу на последнюю охоту значительно раньше, чем я планировал.

Шум дождя перекрывает грохот взрывов. Вода с небес хлещет не переставая. Ситуация на фронте ухудшается с каждым часом – без помощника с оружием мне не обойтись, да и тяжести сам таскать не стану. Яростно жестикулируя, отругал тупое промокшее существо, смотревшее на меня глазами побитого пса, но для вида простил. Пусть отрабатывает, что должен. В конце концов, я в понятии Германии «юберменш», то есть сверхчеловек, а слуга – нечто вроде начальной, не полностью развитой модели – мой личный голем, машина для убийств. Моё счастливое число – восемь. Я поклялся увезти из Берлина именно такое число голов – и ни одной меньше.

Нам скоро идти за новой особью. Я это предвкушаю.

Глава 7

Ловушка

(Парк Тиргартен, поздний вечер 26 апреля 1945 года)

Унтерштурмфюрер «крипо» Вилли Хофштерн матерился буквально через слово. Делать это он умел чрезвычайно хорошо и сыпал выражениями, способными свернуть в трубочку уши матёрого фронтового фельдфебеля. Вольф Лютвиц прекрасно понимал коллегу и в глубине души даже немного ему сочувствовал. Согласно слухам, ползущим по отделам полиции, русские находились в трёх-четырёх километрах от рейхстага, взяв район Тиргартена в клещи. В штаб-квартире РСХА целый день жгли секретные бумаги. Над районом часами плотным облаком висел жирный пепел, сыпавшийся вниз хлопьями, словно после извержения вулкана, – серой массой покрылись все уцелевшие после бомбёжек американцев кровли окрестных домов. Лица офицеров, командовавших разбором руин, были причудливо измазаны, словно у представителей африканских племён: красно-белые маски в известковой и кирпичной пыли – умыться некогда, да и воды нет. Коллеги доехали до Тиргартена на машине (без водителя, оставшегося давать показания оберштурмфюреру Рауффу) – последние литры бензина, квота РСХА, хватит туда-обратно, но не более. Зарядил ливень, оба изрядно продрогли, сидя в беседке в центре парка и еле слыша друг друга из-за канонады русской артиллерии. Брезентовая палатка хоть и помогала не промокнуть до нитки, от сырости не спасала.

– Какого хера мы тут вообще делаем? – бесился Хофштерн, и Лютвиц скорее догадывался по губам о причине злости давнего сослуживца. – Панцингер с пеной у рта требует срочного раскрытия убийств Диснея, и ты ему клятвенно обещал? Я уверяю тебя – всё кончено, оберфюреру больше не до нас: он пребывает в раздумьях, как лучше ускользнуть из Берлина и спасти собственную шкуру. Мы проиграли войну, Вольф. И если тебя завтра не убьёт русская пуля, то послезавтра вздёрнут на суку свои же. Рауфф накопал на твою душу целое досье, ищет свидетелей. Парень больной на всю голову, он своим крысиным мозгом не в состоянии понять, что происходит. Русские уже у нас на кухне, а он думает – ему за разоблачение «предателя» светит повышение, как после «охоты

на зайцев» в Маутхаузене, мол, прилепят новые погоны да нарисуют в награду рыцарский крест с дубовыми листьями. Бежим, а? Сядем в машину, и поехали хоть к дьяволу на рога.

Лютвиц прислушался к барабнящему дождю.

– Мне без разницы, – коротко ответил он. – Знаешь, бывают такие моменты, когда на всё плевать со шпилья самой высокой кирхи в Берлине. Уходи, если успеешь. Я слова против не скажу. Русские окружили столицу, но лазейки наверняка остались, это ж не как генерал Венк, с бронетанковой группой напролом прорываться[26 - Генерал Вальтер Венк со своей 12-й танковой армией 22 апреля 1945 года попытался прорвать замыкающееся кольцо окружения Берлина и прийти на помощь осаждённому гарнизону. Однако атаки быстро захлебнулись.]. Оставь меня, Вилли. Я просто буду делать что хочу.

– Интересно, как ты поймал Дيسнея? – скептически спросил Хофштерн. – Тут такой грохот, что в двадцати метрах ничего не слышно, всё вокруг мертво, вроде кладбища, – люди прячутся в бомбоубежищах, подвалах и метро. Ты вооружился, словно вышел на медведя или персонально на Сталина, – взял гранаты, два автомата, дай бы тебе волю, и станковый пулемёт бы с этажа забрал. Хорошо, я побуду в лесу до утра – если думаешь, что Дисней обязательно заявится сюда. Но очень может быть – он уже разнесён в клочья и погребён под грудой щебня, напоследок обнявшись с милыми отрубленными головами. Русские пушки исключений не делают.

Вольф криво улыбнулся.

– А потом, извини, уйду на юг, – продолжил Вилли. – Если уцелеешь, ищи меня в Испании или соседней Португалии. Некий сеньор Гонсалес, скучающий под яблоней в обнимку с полуголой девушкой. Я бы сбежал и раньше, мешала глупая уверенность, что всё обойдётся. Фюреру раньше везло, вдруг ухватит фортуна за хвост.

– Жаль, его не грохнули в Вольфсшанце двадцатого июля[27 - Имеется в виду покушение на Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года, когда фюрер был контужен взрывом принесённой на совещание бомбы.], – мечтательно сказал Лютвиц. – Но вышло забавно. Именно руководители СС, подавившие заговор, пытавшие и повесившие на мясных крюках мятежных генералов вермахта, сейчас побежали,

как крысы. Гиммлера нет в Берлине, он наверняка уже планирует сдаться американцам. Нашего с тобой главного начальника, шефа РСХА обергруппенфюрера Эрнста Кальтенбруннера, в последний раз видели шесть дней назад – двадцатого апреля, на дне рождения вождя нации. Говорят, он смотался на австрийские озёра и спешно прячет на дне ящики с золотом СС. Берлин защищают «паркетные» эсэсовцы из штабов, старики из фольксштурма, потрёпанные части вермахта и мальчишки гитлерюгенда. Те, кто клялись умереть за фюрера, – первыми и смылись.

На этот раз улыбнулся уже Хофштерн.

Дождь начал утихать. Холода затянулись, а отапливать квартиры было нечем – мазут, керосин и древесина шли на нужды фронта. В полицию ежедневно звонили – соседи находили трупы одиноких стариков: дети погибли на фронте, смотреть за ними некому, врачи привычно констатировали смерть от переохлаждения. Вольф ярко помнил времена, когда из покорённых Дании, Франции, Норвегии на главный вокзал прибывали поезда, набитые загоревшими, белозубыми молодыми парнями, с закатанными до локтя рукавами мундиров. Толпа скандировала «Хайль Гитлер!», к поезду тянулся лес протянутых в приветствии рук. Магазины на Курфюрстендамм выставляли в витринах головы голландских сыров, глыбы датского масла с выступающей от холода испариной, коробки золотистых французских сардин. Лютвиц тоже вернулся тогда из Дании – в звании штурмшарфюрера[28 - Звание штабс-фельдфебеля (старшего унтер-офицера) в войсках СС.]. С войны, оказавшейся воскресной прогулкой – она длилась ровно один день, в перестрелках погибли два немецких солдата, десять были ранены. Европа стояла на коленях. Прошло меньше пяти лет, и миллионы сгнули в русских снегах, их кости давно склевало вороньё, Берлин в огне, а к рейхстагу рвутся дивизии большевиков. Гестаповец Рауфф с неизменным смехом: хихикал он мелко, как кокетка, обязательно при этом потея, – на посиделках после работы в пивной (отмечали день рождения доктора-биолога Вернера из отдела «вэдэ-два») рассказывал о сути человеческой природы. Один раз в Маутхаузене он наблюдал за казнью – к расстрелу приговорили пятерых еврейских «саботажников», они не выполнили норму производства в лагере. Истощённым людям приказали лечь ничком на землю, а лагерный охранник из латышских фольксдойче, подходя к каждому смертнику по очереди, застрелил четверых в затылок. На пятом выстреле винтовку заело – эсэсовец долго с прибалтийской медлительностью искал по карманам запасную обойму, скучно заряжал винтовку, дважды прицеливался. Рауфф говорил: ну надо же, казнимый не встал, не вцепился палачу зубами в ногу, не попытался вырвать оружие (ведь терять-то ему абсолютно нечего)...

Наверняка надеялся – а вдруг расстрел прекратится, его помилуют, убийство остальных было лишь устрашением. Так и немцы. Не арестуют Гитлера, не сдадутся, не скажут: почему мы должны умирать за это упившееся кровью чудовище, раз война проиграна? Они тупо идут на убой, наматываясь кишками на гусеницы русских танков, слушая речи клоуна Геббельса, обещающего – Сталин вырыл себе в Берлине могилу, в которую сам и упадёт. Ведь русские уничтожили армию Паулюса в Сталинграде, превратив каждый дом в крепость, то же самое ожидает и большевистские орды в столице великого рейха. Каждая домохозяйка в горячечной радости пересказывает подругам миф о тайном «чудо-оружии», каковое фюрер вот-вот расчехлит, превратив в пепел Лондон, Москву и Нью-Йорк. «Оно ещё мощнее, ещё разрушительнее ракет “Фау-2”». Боже, как смешно. Обстрелы Лондона «Фау-2» прекратились ещё 27 марта. У Германии не осталось никаких сил и никаких шансов.

Он достал фляжку, с предвкушением отвинтил пробку.

Оба молча изрядным глотком вкусили шнапса. Вольф выглянул из палатки, дождь значительно ослабел. В ночном небе не наблюдалось лучей прожекторов – ПВО Берлина полностью уничтожена большевистской авиацией ещё в середине апреля.

– Ты проверил адреса? – буднично спросил Хофштерн.

– Да, не сходя с места, – мне принесли справки из адресного бюро уже через два часа. Иоганн Бауэр, хоть и имеет шеврон «старого бойца»[29 - Серебряная буква «V», носилась на правом рукаве мундира как знак «почётного отличия» для членов СС, вступивших в Национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП) до назначения Гитлера канцлером Германии 30 января 1933 года.], является им в буквальном смысле – деду под семьдесят лет, примкнул к фюреру в Мюнхене ещё в двадцать втором году... И конечно, это не тот возраст, чтобы похищать девиц, наряжать их и затем гонять по лесам. Советник имперского министерства вооружений и военного производства, в личном деле есть фотографии вместе с рейхсминистром Шпеером. Боюсь, Бауэр весит столько, что сам Геринг позавидует, на снимке даже не весь подбородок поместился. Отмечаем, хотя живёт неподалёку от отеля «Адлон», отсюда рукой подать. Второй вариант – Ганс Лауфер. Тридцать девять лет, регирунгсдиректор «орпо», полиции порядка[30 - Ordnungspolizei, объединение всех полицейских сил Третьего рейха. Не занималась расследованиями преступлений (функции «крипо», гестапо и СД), выполняла охранные функции (посты в городах, жандармерия и тому

подобное).] – звание соответствует штандартенфюреру СС. Очень пухлое досье. Чиновник высокого ранга, но не женат и нет детей – ты же понимаешь, какое сразу возникает подозрение, с нашим-то культом семьи и деторождения.

– Детей я не очень люблю, – цинично хмыкнул Вилли. – Вот процесс их созидания...

– Появляются подозрения в гомосексуализме, – продолжал Лютвиц, намеренно пропустив мимо ушей сальность Хофштерна. – Но это бы ему с рук не сошло – нашьют розовый треугольник и отправят в Дахау... Развлекаться с мальчиками у нас позволено людям с должностями повыше. Нет, тут другой аспект. Герр Лауфер очень любил костюмированные приключения. Отдельно лежит донос осведомительницы гестапо по кличке Сюзи, жрицы любви из салона в Потсдаме, о разговорах с ним в постели. Ничего криминального, просто указаны вкусы регирунгсдиректора. Он обожал, когда проститутка переодевалась в платья с кринолином, разыгрывал настоящие сцены – Наполеона с Жозефиной, короля Баварии и Лолу Монтез, Людовика Шестнадцатого и Марию-Антуанетту. Временами игры велись до крайности жестоко. Он глубоко резал себе руку и заставлял Сюзи слизывать кровь с лезвия ножа. Однако делу не дали ход.

– Почему? – оторвался от фляги Хофштерн.

– Проститутка исчезла, – зевнув во весь рот, ответил Вольф. – Вышла из дома и пропала. Её не нашли. Показания подтвердить оказалось некому, обвинять Лауфера в безнравственности не стали – а ведь иначе неизвестно, как бы оно всё повернулось...

Вилли кивнул. Оба прекрасно помнили: в 1938 году министр обороны рейха фельдмаршал фон Бломберг женился на Еве Грюн, особе на 35 лет моложе себя. Уже через три недели обнаружилось, что Грюн – проститутка, и даже дочь проститутки (то есть шлюха во втором поколении). Но это ещё полбеды. Всплыли донесения – в возрасте 19 лет Ева сожительствовала с евреем, тот снимал её для порнографических открыток. Фон Бломберга немедленно сняли с поста министра и вынудили уйти в отставку. Некоторые генералы откровенно намекали фельдмаршалу на самоубийство, упрямый старик отказался стреляться. С тех пор при любом намёке на секс-скандал с высокопоставленными лицами девушки исчезали невесть куда. Ибо так надёжнее.

Хофштерн взвесил флягу в руке, оценивая оставшееся содержимое.

– Я не понимаю, чего мы здесь мокнем? Надо ехать за Лауфером.

– Во-первых, у нас нет ордера, – скучно сообщил комиссар. – И всё, что мы бы смогли, – вежливо, очень вежливо побеседовать с «золотым фазаном»[31 - «Золотые фазаны» – злобная кличка высших начальников Третьего рейха, имевших жёлтые нашивки в петлицах и на погонах.], спасающим рейх в трудные времена перед великой победой. Ну а во-вторых, наш любитель переодеваний больше ни за кем не охотится: двадцатого апреля, когда американцы отметили день рождения фюрера бомбардировкой Берлина, ему оторвало ногу, – лежит в госпитале в коме и, похоже, больше не очухается, много крови потерял. Так что за Золушкой гонялся точно не он. Относительно трёх оставшихся... Вилли, алло! Ты меня слушаешь?

Хофштерн приложил палец к губам. Он напряжённо всматривался во тьму леса, вытянув вперёд шею и пригнув голову, – словно хищник, высматривающий добычу. Лютвиц замер. Спустя пару секунд из чащи донёлся слабый, часто повторяющийся, с трудом пробившийся сквозь гул канонады звук. Коллеги переглянулись.

Это кричала женщина.

Глава 8

Чужой

(Недалеко от Бранденбургер Тор, в ночь на 27 апреля 1945 года)

– Прошу прощения, герр шарфюрер! Можно вас на минуточку?

Сергей обернулся – чувствуя себя так, словно с него начали сдирать кожу. Перед ним стоял полицейский в солдатской каске и с бляхой на груди – тощий, осунувшийся шутце лет за пятьдесят. За плечом жалко болталась трофейная французская винтовка.

– Что вам нужно? – Он отвечал грубовато, как человек, которого отвлекают от дела.

Лицо шутце пошло красными пятнами, губы запрыгали. Он еле справлялся с волнением – даже забыл про нацистское приветствие, обязательное перед унтер-офицером.

– Тут плохо беременной женщине... нигде поблизости нет воды... сплошной хаос. А у вас фляга на ремне... Я останавливаю всех проходящих... извините ещё раз, пожалуйста.

Полицейский показал на подножие лестницы у серого здания с колоннами – театра или собора, Комаровский не разобрал. В Берлине, разумеется, он никогда не был, названий достопримечательностей не знал. На нижних ступеньках, обхватив обеими руками выпуклый живот, лежала девушка лет двадцати пяти: в дурацком белом пальто, не менее дурацкой, покрытой пылью шляпке и длинной чёрной юбке. Рядом, под присмотром старика с повязкой фольксштурма на рукаве, около тридцати старшекласников копали продолговатую яму – траншею или противотанковый ров. Никто из школьников не плакал: они мрачно молчали, пересыпая землю небольшими горками. Все подчёркнуто не обращали внимания на большое, ветвистое дерево справа от дома с колоннами. Оно было увешано трупами, как рождественская ёлка игрушками. У каждого из мертвецов на спине приколот булавкой бумажка: «Я ПАНИКЁР!»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

Мёртвая голова (нем.). – Здесь и далее примеч. автора.

2

В криминальной полиции нацистской Германии, расследующей тяжкие уголовные преступления, для следователей были приняты звания СС.

3

Зондеркоманда СС под управлением оберфюрера Оскара Дирлевангера (бывшего уголовника, осуждённого за педофилию) всегда формировалась из заключённых концлагерей, тюрем и преступников, фактически штрафбат.

4

Лёгкий противотанковый одноразовый гранатомёт.

5

Ты умрёшь... (нем.)

6

Да нет, это вообще-то ты умрёшь... (нем.)

7

Скоро встретишься с ним (нем.).

8

Вряд ли (нем.).

9

Просто на всякий случай (нем.).

10

«Общество Леопарда» в Сьерра-Леоне было запрещено британскими колониальными властями, однако жестокие убийства продолжались много лет. Самый пик пришёлся на 1907–1912 гг. – члены культа убили несколько тысяч человек, и тогда англичане начали массовые облавы и аресты. Хотя 400 людей-леопардов были арестованы и 18 казнены, никто не выдал логово, где они прятались в джунглях, и имя вождя культа. Великий Леопард, организовавший кровавые убийства, так и не был найден.

11

Выдолбленный сосуд из особой разновидности африканской тыквы.

12

24 апреля 1945 года официальный преемник Адольфа Гитлера – рейхсмаршал Герман Геринг был арестован в своей резиденции. Поводом послужило обращение к Гитлеру, что Геринг берёт на себя полномочия «главы правительства Германии». 5 мая освобождён из-под стражи, 8 мая арестован войсками США. Совершил самоубийство в тюрьме 16 октября 1946 года.

13

«Вера и красота» (Glaube und Sch?nheit) – женское движение в составе гитлерюгенда, куда автоматически зачислялись девушки от 18 до 21 года.

14

«Голос Америки» была основана именно как антигитлеровская радиостанция после вступления в войну США. Она начала вещание 24 февраля 1942 года.

15

В ночь с 2 на 3 февраля 1945 года из концлагеря Маутхаузен (в Австрии) был совершён побег советских военнопленных, прятались они в лесах. В течение трёх недель их искали СС, гитлерюгенд, а также фольксштурм. 410 человек были убиты, и лишь 11 пленным удалось дожить до Победы.

16

Адмирал британского флота Горацио Нельсон (1758–1805), как считается, носил чёрную повязку на глазу, хотя это популярный миф. Вот чего у него точно не хватало, так это правой руки, потерянной в 1797 году.

17

Дивизия (с 1943 г.) «Бранденбург 800» – отряды профессиональных диверсантов вермахта и СС. Её части использовались для захвата Львова и Майкопа в 1941–1942 гг. Военнослужащие владели русским языком, как родным. «Хиви» – hilfswilliger, «добровольные помощники» вермахта, набираемые (в том числе и против воли) из населения оккупированных областей и советских военнопленных. Работали водителями, поварами, сапёрами, позднее стали принимать участие в боевых действиях на стороне нацистов.

18

«Восточные рабочие». В 1942–1944 гг. оккупационными властями Германии из СССР было вывезено почти 5 миллионов человек (в основном женщины) для бесплатного труда в Третьем рейхе, в том числе работы на заводах и домашнего труда, дабы «освободить арийских жён от повседневной занятости на кухне».

19

Ты всё понимаешь, правильно? (нем.)

20

Я сейчас всё расскажу... (нем.).

21

Это письмо прекрасно сохранилось, оно большое и наполнено рассуждениями. В послании нет ни одной грамматической ошибки, что заставило полицию думать о высшем образовании Дровосека. Убийца так и не был найден.

22

Джаз, который играли чернокожие музыканты, был запрещён в Германии в конце тридцатых годов как «дегенеративная негритянская музыка». В январе 1942 г. произошли массовые облавы полиции и гестапо на тайные клубы любителей джаза – посетителей отправляли на перевоспитание в лагеря на 2-3 года.

23

Согласно исследованиям немецких и британских историков, в последнюю неделю перед падением Берлина в 1945 году всюду царили пьянство и секс – немецкие девушки стремились отдать девственность солдатам, боясь насилия «русских варваров». Любовью занимались едва ли не на виду у всех. Пивные и рюмочные, согласно приказу имперского комиссара обороны Берлина доктора Геббельса, должны были отпускать алкоголь без ограничений.

24

2 мая 1945 года группенфюрер СС Карл Брандт был освобождён из заключения, но через 21 день арестован англичанами. Повешен в тюрьме Ландсберг в 1948 году.

25

Первые комиксы про Супермена появились в продаже в США в 1938 году, первые комиксы про Бэтмена – в 1939 году, когда Третий рейх не находился в состоянии войны с Америкой, и снискали бешеную популярность в Германии.

26

Генерал Вальтер Венк со своей 12-й танковой армией 22 апреля 1945 года попытался прорвать замыкающееся кольцо окружения Берлина и прийти на помощь осаждённому гарнизону. Однако атаки быстро захлебнулись.

27

Имеется в виду покушение на Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года, когда фюрер был контужен взрывом принесённой на совещание бомбы.

28

Звание штабс-фельдфебеля (старшего унтер-офицера) в войсках СС.

Серебряная буква «V», носилась на правом рукаве мундира как знак «почётного отличия» для членов СС, вступивших в Национал-социалистическую рабочую партию (НСДАП) до назначения Гитлера канцлером Германии 30 января 1933 года.

Ordnungspolizei, объединение всех полицейских сил Третьего рейха. Не занималась расследованиями преступлений (функции «крипо», гестапо и СД), выполняла охранные функции (посты в городах, жандармерия и тому подобное).

«Золотые фазаны» – злобная кличка высших начальников Третьего рейха, имевших жёлтые нашивки в петлицах и на погонах.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zotov_zotov/tirgarten

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)